Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Борис СТРУГАЦКИЙ

УЛИТКА НА СКЛОНЕ-1

(БЕСПОКОЙСТВО)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОВЕСТИ “БЕСПОКОЙСТВО”

Когда в марте 1965 года в Доме творчества “Гагра” мы закончили первый черновик романа “Улитка на склоне”, все события этого романа развивалось у нас тогда в Мире Полудня, заданном повестью “Полдень, XXII век”, и главными героями были звездолетчик Горбовский и космобиолог Сидоров по прозвищу Атос. Атос-Сидоров мучительно и безрезультатно пытался пробиться сквозь дебри леса к себе домой, на Базу землян, построенную на вершине двухкилометрового утеса, а Горбовский, охваченный смутными, но явно неприятными предчувствиями, столь же мучительно и безрезультатно наблюдал за лесом сверху, не понимая даже, что именно его так беспокоит, но ожидая беды и взрыва несчастий.

Уже летом 65-го мы поняли, что написали не то, что следовало нам писать, и осенью все переделали, заменив Атоса Кандидом, Горбовского - Перецом, а научно-исследовательскую базу землян-коммунаров - Управлением по делам леса. Только лес мы оставили в первозданном виде, хотя и он потерял изначальную свою атрибутику вместилища мрачных тайн и сделался символом Будущего, настолько чужого, настолько неадекватного нашей сегодняшней ментальности, что мы, по определению, не в силах даже понять - дурное оно, это Будущее, или хорошее, светлое или черное. Чужое.

”Линия Горбовского” в романе исчезла полностью. Сформулированные там идеи потеряли (для нас тогда) всякую актуальность. И только спустя

двадцать пять лет мы извлекли эту стопку страниц из архивов и перечитали текст, написанный в совсем иные времена и вроде бы совсем другими людьми. К нашему огромному изумлению текст нам понравился. Оказалось, что эта повесть (совершенно самостоятельная, не имеющая сколько-нибудь жесткой идейной связи с романом “Улитка на склоне”) не утратила полностью актуальности и читается так, словно написана была, все-таки, именно нами и, вроде бы, совсем недавно.

Мы решили напечатать ее без всяких исправлений под названием “Беспокойство”, что и было сделано в 1990 году журналом “Измерение-Ф”.

Впрочем, повесть эта так и осталась известна лишь сравнительно узкому кругу читателей, почему я и решился снова опубликовать ее здесь (после самой минимальной стилистической правки - черновик, все-таки) в качестве некоего назидательного примера довольно странного преобразования идей и не менее странной их живучести.

Б.Стругацкий, сентябрь, 1995 год

1

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена; как огромная, на весь мир, рыхлая губка; как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и поросло грубым мхом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Леонид Андреевич сбросил шлепанцы и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловатый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное и глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло - никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него. Тогда он бросил второй камешек.

- Так это вы гремели сегодня у меня под окнами, - сказал Турнен.

Леонид Андреевич скосил глаз и увидел ноги Турнена в мягких сандалиях.

- Доброе утро, Тойво, - сказал он. - Да, это был я. Очень твердый камень попался. Я вас разбудил?

Турнен придвинулся к обрыву, осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил.

- Кошмар, - сказал он. - Как вы можете так сидеть?

- Как?

- Да вот так. Здесь два километра, - Турнен присел на корточки. - Даже дух захватило, - сказал он.

Леонид Андреевич нагнулся и посмотрел через раздвинутые колени.

- Не знаю, - сказал он. - Понимаете, Тойво, я человек вообще боязливый, но вот чего не боюсь, того не боюсь… Неужели я вас разбудил? По-моему, вы уже не спали, я даже немножко надеялся, что вы выйдете…

- А босиком почему? - спросил Турнен. - Так надо?

- Иначе нельзя. Я вчера уронил туда правую туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком. - Он снова поглядел вниз. - Вон она лежит. Сейчас я в нее камушком…

Он бросил камушек и сел по-турецки.

- Не шевелитесь вы, ради бога, - сказал Турнен нервно. - И лучше вообще отодвиньтесь. На вас смотреть страшно.

Леонид Андреевич послушно отодвинулся.

- Ровно в семь, - сообщил он, - под утесом выступает туман. А ровно в семь часов сорок минут туман исчезает. Я заметил по часам. Интересно, правда?

- Это не туман, - сказал Турнен сквозь зубы.

- Я знаю, - сказал Леонид Андреевич. - Вы скоро уезжаете?

- Нет, - сказал Турнен сквозь зубы. - Мы уезжаем не скоро. Мы уезжаем через два дня. Через - два - дня, - сказал он с расстановкой. - Повторить?

- Сегодня я спросил вас в первый раз, - кротко сказал Леонид Андреевич.

- И больше не спрашивайте, - сказал Турнен. - Хотя бы сегодня.

- Не буду, - сказал Леонид Андреевич.

Турнен посмотрел на него.

- Я надеюсь, вы не обиделись?

- Ну что вы, Тойво…

- А вы тоже не любите охоту?

- Терпеть я ее не могу.

Турнен опустил глаза.

- Что бы вы делали на моем месте? - спросил он.

- На вашем месте? Ну что бы я делал… Ходил бы за женой по лесу и носил бы ее… этот… ружье… и разные огнеприпасы.

- А вам не кажется, что это было бы глупо?

- Зато спокойно. Мне нравится, когда спокойно.

Турнен поджал губы и покачал головой.

- Она не выносит, когда я таскаюсь следом. Она раздражается, нервничает, все время промахивается. И егеря злятся… Так что я предпочитаю оставаться. В конце концов можно представить себе, что это даже полезно… Здоровое волнение, этакое взбадривание…

- Действительно, - сказал Леонид Андреевич, - как это мне сразу не пришло в голову? Все эти наши страхи - просто нормальная функция

застоявшегося воображения… Ведь что такое этот лес? А?

- Да, - сказал Турнен. - Что он, собственно, такое?

- Ну, тахорги… Ну, туман, который, правда, не туман… Смешно!

- Какие-то там блуждающие болота, - проговорил Турнен, усмехаясь.

- Насекомые! - сказал Леонид Андреевич и поднял палец. - Вот насекомые - это действительно неприятно.

- Ну, разве что насекомые…

- Да. Так что, я думаю, мы совершенно напрасно беспокоимся.

- Слушайте, Горбовский, - сказал Турнен, - почему-то, когда я разговариваю с вами, мне всегда кажется, что вы надо мной издеваетесь.

Леонид Андреевич поднял брови.

- Странно, - сказал он. - Честное слово, я действительно думаю, что мы с вами напрасно беспокоимся.

Они помолчали.

- Я беспокоюсь о своей жене, - сказал Турнен. - А вот о чем беспокоитесь вы, Горбовский?

- Я? Кто вам сказал, что я беспокоюсь?

- Вы все время говорите: “мы с вами”…

- А-а… Ну, это просто… Вы только не подумайте, что я тоже беспокоюсь за вашу жену. Если бы вы видели, как она на двести шагов…

- Я видел, - сказал Турнен.

- И я тоже видел. Поэтому я нисколько за нее не беспокоюсь.

Он замолчал. Турнен подождал немного и спросил:

- Все?

- Что - все?

- Больше вы ничего мне не скажете?

- Н-ничего.

- Тогда пойдемте завтракать, - сказал Турнен, поднимаясь.

Леонид Андреевич тоже поднялся и запрыгал на одной ноге, натягивая шлепанец.

- Ох, - сказал Турнен. - Да отойдите же вы от края!

- Уже все, - сказал Леонид Андреевич, притопывая. - Сейчас отойду.

Он последний раз посмотрел на лес, на плоские пористые пласты его у самого горизонта, на его застывшее грозовое кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса.

- Хотите бросить камушек? - сказал он, не оборачиваясь.

- Что?

- Бросьте туда камушек.

- Зачем?

- Я хочу посмотреть.

Турнен открыл рот, но ничего не сказал. Он подобрал камень и, размахнувшись, швырнул его в пропасть. Потом он поглядел на Горбовского.

- Я еще мог бы напомнить вам, - сказал Леонид Андреевич, - что с нею Вадим Сартаков, а это самый опытный егерь на базе.

Турнен все смотрел на него.

- А ищейку настраивал сам Поль, а это значит…

- Все это я помню, - сказал Турнен. - Я спрашивал вас совсем не об этом.

- Правда? - сказал Горбовский. - Значит, я вас неправильно понял.

Алик Кутнов пил томатный сок, держа стакан двумя толстыми красными пальцами. На месте Риты почему-то расположился тот молодой человек с громким голосом, что прибыл вчера на спортивном корабле, и Турнен сидел, нахохлившись, не поднимая глаз от своей тарелки, и резал на тарелке кусочек сухого хлеба - пополам и еще раз пополам, и еще раз пополам…

- Или, например, Ларни, - сказал Алик, взбалтывая в стакане остатки сока. - Он видел треугольный пруд, - в котором купались русалки.

- Русалки! - сказал новичок с восторгом. - Превосходно!

- Да-да, самые обыкновенные русалки. Вы не смейтесь, Марио. Я же вам говорю, что наш лес немножечко не похож на ваши сады. Русалки были зеленые и необычайно красивые, они плескались в воде… Только у Ларни не было времени ими заниматься, у него истекал срок биоблокады, но он говорит, что запомнил их смех на всю жизнь. Он говорит, что это было как громкий комариный звон.

- А может быть, это и был комариный звон? - предположил Марио.

- У нас все может быть, - сказал Алик.

- И может быть, биоблокада к тому времени у него уже ослабела?

- Может быть, - охотно согласился Алик. - Он вернулся совсем больной. Но вот, скажем, скачущие деревья я видел сам и неоднократно. Это выглядит так. Огромное дерево срывается с места и перепрыгивает шагов на двадцать.

- И не падает при этом?

- Один раз упало, но сейчас же поднялось, - сказал Алик.

- Великолепно! Вы просто прелесть! Ну а зачем же они скачут?

- Этого, к сожалению, никто не знает. О деревьях в нашем лесу вообще мало что известно. Одни деревья скачут, другие деревья плюют в прохожего едким соком пополам с семенами, третьи еще что-нибудь… Вот в километре от Базы есть, например, такое дерево. Я, например, остаюсь возле него, а вы отправляетесь точно на восток и в трех километрах трехстах семидесяти двух метрах находите второе такое же дерево. И вот когда я режу ножом свое дерево, ваше дерево вздрагивает и начинает топорщиться. Вот так, - Алик показал руками, как топорщится дерево.

- Понимаю! - воскликнул Марио. - Они растут из одного корня.

- Нет, - сказал Алик. - Просто они чувствуют друг друга на расстоянии. Фитотелепатия. Слыхали?

- А как же, - сказал Марио.

- Да, - сказал Алик лениво, - кто об этом не слыхал… Но вот чего вы, наверное, не слыхали, так это что в лесу есть еще люди, кроме нас. Их видел Курода. Он искал Сидорова и видел, как они прошли в тумане. Маленькие и чешуйчатые, как ящеры.

- У него тоже кончилась биоблокада?

- Нет, просто он любит приврать. Не то что я, скажем, или вы. Правда, Тойво?

- Нет, - сказал Турнен, не поднимая глаз. - Вранья вообще не бывает. Все, что выдумано, - возможно.

- В том числе и русалки? - спросил Марио. Видимо, он подумал, что его мрачный сосед тоже наконец решил пошутить.

Турнен посмотрел на него. По лицу его было видно, что шутить он не собирается.

- Я их вижу, - сказал он. - И треугольный пруд. И туман, и зеленую луну. Все это я вижу так отчетливо, что могу описать во всех подробностях. Для меня это и есть критерий реальности, и он не хуже любого другого.

Марио неуверенно улыбается. Он все еще надеялся, что Турнен шутит.

- Превосходная мысль, - сказал он. - Отныне нам не нужны лаборатории. Субэлектронные структуры? Я вижу их. Могу описать, если хотите. Они так и переливаются. И треугольно-зеленые.

- Мне лаборатории не нужны уже давно, - произнес Турнен. - Они, по-моему, вообще никому не нужны. Вряд ли они помогут вам представить себе субэлектронные структуры.

Лицо Марио утратило готовность к веселью. Обнаружилось, что глаза у него совсем не детские.

- Я физик, - сказал он. - Я легко представляю себе субэлектронные структуры без фигур и цветов.

- И что же дальше? - сказал Турнен. - Ведь я тоже могу представить себе эти структуры. И еще многое эдакое, для чего вы пока не придумали закорючек, значков и греческих букв.

- Ваши представления, может быть, и годятся для вашего личного употребления, но беда в том, что на них далеко не уедешь.

- На представлениях давно уже никто не ездит. Не вижу, чем мои представления хуже ваших.

- На представлениях физики вы приехали сюда и уедете отсюда, а ваши представления годятся только для застольных парадоксов.

- Я мог бы вам напомнить, что идея деритринитации возникла тоже из застольного парадокса. Да и все идеи возникли из застольных парадоксов. Все фундаментальные идеи выдумываются, и вы это прекрасно знаете. Они не висят на концах логических цепочек. Но дело ведь даже не в этом. Что дальше? Ну не смог бы я прилететь сюда. И что? Ведь я не увидел здесь ничего такого, чего не мог бы представить себе, сидя дома.

Леонид Андреевич не стал слушать, что там отвечает физик. Он посмотрел на Алика. Инженер-водитель тосковал. Просто встать и уйти ему, наверное, было неловко, наверное, он боялся, что это будет выглядеть демонстративно. Спор же ему был до одурения скучен. Сначала он

порывался встрянуть и направить беседу в другое русло и даже сказал: “Между прочим, в прошлом году…”. Потом съел кусочек маринованной миноги. Потом сотворил из салфетки кораблик. Потом с надеждой взглянул на часы, но нужное ему время еще, по-видимому, не приспело. И не то, чтобы спор был ему непонятен, он слышал тысячи таких споров - и когда сидел, обливаясь потом, за рулем вездехода, идущего через заросли, и здесь, в столовой, и в мастерских Базы, и даже на танцевальной веранде. Просто все это было ему бесконечно чуждо. Он любил конкретности своего времени: ощущение микронных зазоров в кончиках пальцев, спокойный и правильный гул могучих двигателей, блеск приборов в качающейся кабине. И он всю жизнь с кротким недоумением следил за тем, как эти конкретности теряют смысл на Земле, оттесняются на периферию Большой Жизни, уходят на далекие планеты, и он отступал и уходил вместе с ними, любя их по-прежнему, но постепенно теряя уверенность в их (и своей) нужности, потому что, если на этих диких мирах и нельзя обойтись без его искусства и его вездеходов, то люди, кажется, намереваются обойтись без самих этих миров. Таких, как инженер-водитель Алик Кутнов, было много, гарнизоны инопланетных баз комплектовались теперь в основном из них. Это были очень способные люди (неспособных людей вообще не бывает), но области приложения их способностей неумолимо уходили в прошлое, и большинству аликов еще предстояло понять это и искать выход.

- Вы безобразно самоуверенны, - говорил Турнен. - Вы воображаете, что оседлали наконец историю человечества. Но вы никак не можете понять, что не нужны никому, кроме самих себя, и не нужны уже давно…

- Человечество тоже никому не нужно, кроме самого себя. Вы ничего не утверждаете, вы только отрицаете…

Алик Кутнов мастерил второй кораблик. С мачтой.

В том-то и беда. Человечество никогда никому не было нужным, кроме самого себя. Да и самому себе оно стало нужным не так уж давно. А дальше? Дальше была равнина, и по равнине пролегали широкие дороги, и петляли едва заметные тропинки, и все они вели за горизонт, а горизонт скрывала мгла, и не видно было, что в этой мгле. Может быть, все та же равнина, может быть, гора. А может быть, и наоборот. И не видно было, какие дороги сузятся в тропинки, и какие тропинки расширятся в дороги…

- Алик, - сказал Леонид Андреевич, - что вы делаете, когда по незнакомой дороге вы подъезжаете к незнакомому лесу?

- Снижаю скорость и повышаю внимание, - ответил Алик, не задумываясь.

Леонид Андреевич посмотрел на него с восхищением.

- Вы молодец, - сказал он. - Все бы так.

- Да, - оживился Алик. - Вот в прошлом году…

Снизить скорость и повысить внимание. Очень точно сказано. А за рулем восседает молодой широкоплечий парень, ему весело мчаться по прямой дороге, а лес все ближе, и парню кажется, что вот там-то и есть самое интересное, и он влетает в лес на полной скорости, не потрудившись узнать, по-прежнему ли пряма дорога в лесу, или она обернулась там тропинкой, или оборвалась болотом.

- И после этого, - сказал Алик, - мы больше туда никогда не ездили. - Он посмотрел на часы. - Вот теперь я пойду, - сказал он.

- И я тоже, - сказал Леонид Андреевич.

Физик посмотрел на них незрячими глазами, не переставая говорить. Турнен опять резал хлеб.

Когда они вышли из столовой, Леонид Андреевич спросил Алика:

- Неужели все, что вы говорили этому физику, выдумка?

- А что я ему говорил?

- Про русалок, про чешуйчатых людей…

Алик ухмыльнулся.

- Да как вам сказать… По-моему, все это вранье. Куроде никто не верит, а Ларни болел. Да вы сами, Леонид Андреевич, бывали в лесу. Ну какие там могут быть люди? И тем более русалки…

- Я так и подумал, - сказал Леонид Андреевич.

Кабинет Поля Гнедых, директора Базы и начальника Службы индивидуальной безопасности, находился на самом Верхнем ярусе Базы. Леонид Андреевич поднялся к нему на эскалаторе.

Кабинет Поля с экранами и селекторами межзвездной, планетной и внутренней связи, с фильмотеками, с информарием, с планетографическими картами олицетворял на Пандоре то же, что здание Мирового Совета на Земле: здесь было сосредоточено управление планетой. Но в отличие от Мирового Совета, директор Базы реально мог управлять только ничтожным кусочком территории своей планеты, крошечным каменным архипелагом в океане леса, покрывавшего континент. Лес не только не подчинялся Базе, он противостоял ей со всеми ее миллионами лошадиных сил, с вездеходами, дирижаблями и вертолетами, с ее вирусофобами и дезинтеграторами. Собственно, он даже не противостоял. Он просто не замечал Базы.

- Иногда мне хочется взорвать там что-нибудь, - сказал Поль, глядя в окно.

- Где именно? - сейчас же спросил Леонид Андреевич.

- В самой середине.

- Тогда бы мы даже не увидели взрыва, - сказал Леонид Андреевич. - А уехать вам отсюда иногда не хочется?

- Иногда хочется, - сказал Поль. - Когда много туристов. Когда на всех не хватает егерей и они начинают бунтовать и требовать права на самообслуживание.

- Вы им не разрешайте, - попросил Леонид Андреевич. - Я вот тут пошел без егеря, чуть не заблудился.

- Знаю, - мрачно сказал Поль. - А почему вы не берете с собой карабина, когда выходите, Леонид Андреевич?

- Какого карабина?

- Любого!

Леонид Андреевич поморгал.

- Боюсь, - сказал он.

- Не понимаю.

- Боюсь, - пояснил Леонид Андреевич. - Вдруг выстрелит.

- Ну?

- Ну и попадет в кого-нибудь…

Некоторое время Поль смотрел на него. Потом вынул из шкафа свой карабин и подошел к Леониду Андреевичу.

- Вот здесь в прикладе, - сказал он терпеливо, - встроен маленький радиопередатчик. Где бы вы ни находились…

- Да нет, я это знаю, - сказал Леонид Андреевич.

- Так в чем же дело?

- Хорошо, - Леонид Андреевич взял карабин и отсоединил приклад. - Так? - спросил он. - Теперь я буду брать эту деревяшку с собой. Буду носить ее в своем… ядг… ягд… в охотничьей сумке. - Он вставил приклад на место и вернул карабин Полю. - Вы довольны, Поль?

Поль пожал плечами:

- Не понимаю. Вы что, кокетничаете?

- Нет, - сказал Леонид Андреевич. - Я капризничаю.

- Когда мы с Атосом писали о вас сочинение… это было очень много лет назад… мы изображали вас совсем не таким.

- А каким же? - спросил польщенный Леонид Андреевич.

- Вы были велик. У вас горели глаза…

- Всегда?

- Практически всегда.

- А когда я спал?

- В наших сочинениях вы никогда не спали. Вы вели корабль сквозь магнитные бури, сквозь бешеные атмосферы. Руки у вас были, как сталь, и вы были стремительны…

- Так я и сейчас такой! - вскричал Леонид Андреевич. - Где здесь корабль?

Он вскочил, выхватил у Поля карабин, приложился, прищурив один глаз, и закричал:

- Тра-та-та-та!..

Потом он опустил карабин и спросил:

- Ну как?

- Не то, - сказал Поль, безнадежно махнув рукой. - Интеллекта нет.

- Очень мне нужен интеллект, - обиженно сказал Леонид Андреевич.

Он снова лег в кресло и спросил:

- Я вам не мешаю?

- Нет, - сказал Поль, пряча карабин в шкаф. - Я только все удивляюсь: что вы у нас на Базе делаете?

- А вы никому не расскажете? - спросил Леонид Андреевич.

- Если не хотите, нет, не расскажу.

- Я ухаживаю, - сказал Леонид Андреевич.

Поль сел.

- Это за кем же? - спросил он. - Неужели за Ритой Сергеевной?

- А что, заметно?

- Да есть такое мнение.

- Так вот я не за ней ухаживаю, - оскорбленно сказал Леонид Андреевич. - Я ухаживаю совершенно за другой женщиной. Она уже давно улетела.

- Ага, - сказал Поль. - А вы, значит, остались на медовый месяц.

- Вы циничны, - сказал Леонид Андреевич. - Мы не поймем друг друга. Расскажите мне лучше, что сегодня новенького.

- Рита Сергеевна застрелила тахорга, - сказал Поль значительно.

- Молодец. А еще?

- На вверенной мне Базе за истекшие сутки ничего не случилось, все в порядке, недостатка ни в чем не испытываем, - сказал Поль.

- А на базах, которые вам не вверены?

- Какие имеются в виду?

- Земля, например. Или, скажем, Радуга.

- На Земле тоже недостатка ни в чем не испытывают. Испытывают избыток. А на Радуге… Знаете что, Леонид Андреевич, сводки уже в типографии, через полчаса прочтете сами.

- Нет, - сказал Леонид Андреевич. - Я хочу узнать что-нибудь первым. Ведь вы же про меня сочинение писали, Поль. Расскажите мне что-нибудь особенное. Чего нет в сводках.

- Вас интересуют сплетни? - осведомился Поль.

- Очень, - сказал Леонид Андреевич.

- Жаль. Сплетен у меня нет. По Д-связи сплетен не передают. По Д-связи нынче передают черт знает что.

Леонид Андреевич сейчас же вытащил записную книжку и приготовил авторучку.

- Нет, серьезно, - продолжал Поль. - Сегодня ночью вдруг прервали передачу ядерного прогноза и выдали нам какую-то шифровку на имя Мостепаненко. Без имени адресанта. Это уже третий случай. На прошлой неделе была шифровка некоему Герострату, а на позапрошлой - Пеккелису. На мой запрос не ответили. Идиотство какое-то.

- Да, - сказал Леонид Андреевич. - Но зато интересно.

Он нарисовал в записной книжке женскую головку и написал под ней печатными буквами: ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО…

- Герострат… - сказал он. - Какой же это Герострат? Не тот ли? Вообще, в свете современной физической теории вполне можно предположить…

- Кто-то идет, - сказал Поль, и Леонид Андреевич замолчал.

В кабинет вбежал человек.

Леонид Андреевич не знал его, но было видно, что это человек из леса и что он взволнован, и Леонид Андреевич сел прямо и сунул записную книжку в карман.

- Связь! - сказал человек, задыхаясь. - Когда будет связь, Поль?

Он был в комбинезоне, отстегнутый капюшон болтался у него на груди на шнурке рации. От башмаков до пояса комбинезон щетинился бледно-розовыми стрелками молодых побегов, правая нога была опутана оранжевой плетью лианы, волочащейся по полу, и казалось, что это щупальце самого леса, что оно сейчас напряжется и потянет человека обратно, через коридоры, управления, вниз по эскалатору, мимо ангара и мастерских, и снова вниз по эскалатору, и через аэродром, к обрыву, к башне лифта, но не в лифт, а мимо, вниз…

- Выйди отсюда, - сердито сказал Поль.

- Ты ничего не понимаешь, - задыхаясь, сказал человек. Лицо его было в красных и белых пятнах, глаза выкачены. - Когда будет связь?

- Курода! - железным голосом сказал Поль. - Выйдите вон и приведите себя в порядок!

Курода остановился.

- Поль, - сказал он и сделал странное движение головой, словно у него чесалась шея. - Честное слово, мне срочно нужно!

Леонид Андреевич снова лег. Поль подошел к Куроде, взял его за плечи и повернул лицом к двери.

- Формалист, - сказал Курода плаксиво. - Бюрократ.

- Стой, не двигайся, - сказал Поль. - Шляпа! Дай пакет.

Курода снова сделал странное движение головой, и Леонид Андреевич увидел на его тощей подбритой шее, в самой ямочке под затылком коротенький бледно-розовый побег, тоненький, острый, уже завивающийся спиралью, дрожащей, как от жадности.

- Что там, опять подхватил? - спросил Курода и полез в нагрудный карман. - Нет у меня пакета… Слушай, Поль, ты мне можешь сказать, когда будет связь?

Поль что-то делал с его шеей, что-то уминал и массировал длинными пальцами, брезгливо оскалившись и бормоча что-то неласковое.

- Стой смирно, - прикрикнул он. - Не дергайся! Ну что ты за шляпа.

- Вы поймали чешуйчатого человека? - спросил Леонид Андреевич.

- Чепуха! - сказал Курода. - Я не говорил, что эти люди были чешуйчатые… Поль, ты скоро? Это надо послать им в первую очередь! Ай!

- Все, - сказал Поль. Он отошел от Куроды и бросил что-то полуживое, корчащееся, окровавленное в диспансер. - Немедленно к врачу. Связь в семь вечера.

Лицо Куроды вытянулось.

- Попроси экстренный сеанс! - сказал он. - Ну что это такое - ждать до семи вечера?

- Хорошо, хорошо, иди, потом поговорим.

Курода неохотно пошел к двери, демонстративно волоча ноги. Розовые побеги на его комбинезоне уже увядали, сморщивались и осыпались на пол. Когда он вышел, Поль сказал:

- Обнаглели. Вы представить себе не можете, Леонид Андреевич, до чего мы все обнаглели. Никто ничего не боится. Как дома. Поиграл в садике - и к маме на коленки, прямо как есть, в земле и песочке. Мама вымоет…

- Да, обнаглели немножко, - негромко проговорил Леонид Андреевич. - Я рад, что вы это замечаете.

Поль Гнедых не слушал. Он смотрел в окно, как Курода сбегает по эскалатору, волоча за собой обрывок лианы.

- Похож на Атоса, - сказал он вдруг. - Только Атос, конечно, никогда не пришел бы в таком виде. Вы помните Атоса, Леонид Андреевич? Он писал мне, что когда-то работал с вами.

- Да, на Владиславе. Атос-Сидоров.

- Он погиб, - сказал Поль, не оборачиваясь. - Давно уже. Где-то вон там… Жалко, что он вам не понравился.

Леонид Андреевич промолчал.

2

Атос проснулся и сразу подумал: “Послезавтра мы уходим”. И сейчас же в другом углу Нава зашевелилась на своей постели и спросила:

- Когда ты уходишь?

- Не знаю, - ответил он. - Скоро.

Он открыл глаза и уставился в низкий, покрытый известковыми натеками потолок. По потолку опять шли муравьи. Они двигались двумя ровными колоннами. Слева направо двигались нагруженные, справа налево шли порожняком. Месяц назад было наоборот. И через месяц будет наоборот, если им не укажут делать что-нибудь другое. Месяц назад я тоже проснулся и подумал, что после завтра мы уходим, и никуда мы не ушли, и еще когда-то, задолго до этого, я проснулся и тоже подумал, что послезавтра мы уходим, и мы, конечно, не ушли, но если мы не уйдем послезавтра, я уйду один. Впрочем, и так я уже думал раньше, но теперь-то уж я обязательно уйду.

- А когда - скоро? - спросила Нава.

- Очень скоро - ответил он.

- Получилось так, - сказала Нава, - что мертвяки вели нас ночью, а ночью они плохо видят, это тебе всякий скажет, вот хотя бы Горбун, хотя он не здешний, он из деревни, что по соседству с моей, и ты его знать не можешь, получилось так, что в его деревне все заросло грибами, а это не всякому нравится, мой отец, например, ушел из своей деревни, а он сказал, что Одержание произошло и в деревне теперь делать людям нечего… Так вот, луны тогда не было, и они все сбились в кучу, и стало жарко - не продохнуть…

Атос посмотрел на нее. Она лежала на спине, закинув руки за голову и положив ногу на ногу, и не шевелилась, только двигались губы и время от времени вспыхивали в полутьме глаза. Когда вошел старик, она не перестала говорить, а старик подсел к столу, придвинул горшок и стал есть. Тогда Атос поднялся и обтер с тела ладонями ночной пот. Старик чавкал и брызгал. Атос отобрал у него горшок и молча протянул его Наве, чтобы она замолчала. Старик обсосал губы и сказал:

- Невкусно. К кому не придешь, везде невкусно. Тропинка эта заросла совсем, где я тогда ходил, а я ходил много, и на дрессировку, и просто выкупаться, я в те времена часто купался, там было озеро, а теперь там болото, и ходить стало опасно, но кто-то все равно ходит, потому что иначе

откуда там столько утопленников? И тростник. Я любого могу спросить: откуда там в тростнике тропинки? Никто не может этого знать, да и не следует. Только там уже не сеять. А сеяли, потому что нужно было для Одержания, и все везли на глиняную поляну, теперь-то тоже возят, но там не оставляют, а привозят обратно, я говорил, что нельзя, но они и не понимают, что это такое - нельзя, староста меня прямо при всех спросил: почему нельзя? Я ему говорю, как же ты можешь при всех спрашивать, почему нельзя? Отец у него был умнейший человек, а может, он и не отец ему вовсе, некоторые говорили, что не отец, и вправду не похоже… Почему нельзя при всех спросить, почему нельзя?

Нава встала и протянула горшок Атосу. Атос стал есть. Старик замолчал и некоторое время смотрел на него, а потом заметил:

- Недобродила у вас еда, есть такое нельзя.

- Почему нельзя? - спросил Атос.

Старик захихикал.

- Эх ты, Молчун, - сказал он. - Ты бы уж лучше, Молчун, молчал. Ты вот лучше мне расскажи, очень это болезненно, когда голову отрезают?

- А тебе какое дело? - крикнула Нава.

- Кричит, - сообщил старик. - Покрикивает. Ни одного еще не родила, а покрикивает. Ты почему не рожаешь? Сколько с Молчуном живешь, а не рожаешь. Так поступать нельзя. А что такое “нельзя” - ты знаешь? Это значит - нежелательно, не одобряется. А поскольку не одобряется, значит, поступать так нельзя. Что можно - это еще неизвестно, а уж что нельзя, то нельзя. Это всем надлежит понимать, а тебе тем более, потому что в чужой деревне живешь, дом тебе дали, Молчуна вот в мужья пристроили. У него, может быть, голова чужая, но телом он здоровый, и рожать тебе отказываться нельзя. Вот и получается, что “нельзя” - это самое что ни на есть нежелательное. Как еще можно понимать “нельзя”? Можно и нужно понимать так, что “нельзя” - вредно….

Атос доел, поставил пустой горшок перед стариком и вышел. Дом сильно зарос за ночь, и в густой поросли видна была только тропинка, протоптанная стариком, и место у порога, где он сидел и ждал, пока они

проснутся. Улицу уже расчистили, зеленый ползун толщиной в ногу, вылезший вчера из переплетения ветвей над деревней и пустивший корни перед домом соседа, был порублен, облит бродилом, потемнел и уже закис, от него остро и аппетитно пахло, и соседские ребятишки, столпившись вокруг него, рвали бурую мякоть и совали в рот сочные комки. Когда Атос проходил, один из них невнятно крикнул набитым ртом: “Молчак-Мертвяк!”, но его не поддержали: были заняты. Больше на улице, оранжевой и красной от высокой травы, в которой тонули дома, сумрачной, покрытой неяркими зелеными пятнами от солнца, пробивающегося сквозь лесную кровлю, никого не было. С поля доносился нестройный хор скучных голосов: “Эй, сей веселей!.. Вправо сей, влево сей!..” В лесу откликалось эхо. А может быть, и не эхо. Может быть, мертвяки.

Колченог, конечно, сидел дома и массировал ногу.

- Садись, - сказал он Атосу приветливо. - Уходишь, значит?

- Ухожу, - сказал Атос и сел у порога. - Что, опять разболелась?

- Нога-то? Да нет, просто приятно. Гладишь ее вот так - хорошо. А когда уходишь?

- Если бы ты со мной пошел, то хоть послезавтра. Придется искать другого человека, который знает лес. Ты ведь, я вижу, идти не хочешь?

Колченог осторожно вытянул ногу и сказал задумчиво:

- Как от меня выйдешь, поворачивай налево и ступай до самого поля. По полю - мимо двух камней, сразу увидишь дорогу. Она мало заросла, потому что валунов много. Прямо по этой дороге, две деревни пройдешь, одна пустая, грибная, грибами она поросла, так там не живут, а в другой живут чудаки, через их деревню два раза синяя трава прошла, с тех пор болеют, и за той чудаковой деревней по правую руку и будет тебе твоя глиняная поляна. И никаких тебе провожатых не надо, сам дойдешь.

- До глиняной поляны мы дойдем, - согласился Атос. - А вот дальше?

- Куда дальше?

- Дальше в лес. Через болота. Где раньше озера были и проходила большая дорога.

- Это же какая дорога? До глиняной поляны? Так я тебе говорю, поверни налево, иди до поля, до двух камней…

Атос дослушал и сказал:

- До глиняной поляны я дорогу теперь знаю. Мы дойдем. Но нам нужно дальше. Я же рассказывал тебе. Мне необходимо добраться до города. Ты говорил, что знаешь дорогу.

Колченог сочувственно покачал головой.

- До Го-о-орода… Так до Города, Молчун, не дойти. До глиняной поляны, например, это просто: мимо двух камней, через грибную деревню, через чудакову деревню, а там по правую руку и будет глиняная поляна. Или, скажем, до Тростников. Тут уж поворачивай от меня направо, через редколесье, мимо Хлебного болота, а там все время за солнцем, куда солнце, туда и ты. Трое суток идти, но если надо - пойдем. Там мы горшки добывали раньше, пока здесь свои не рассадили… Так бы и говорил, что до Тростников. Тогда и до послезавтра ждать нечего. Завтра утром выйдем, и еды с собой брать не надо, раз там Хлебное болото. Ты, Молчун, говоришь больно мало, только начнешь прислушиваться, а ты уже и рот закрыл. А в Тростники пойдем. Завтра утром и пойдем…

Атос дослушал и сказал:

- Понимаешь, Колченог, мне не надо в Тростники. В Тростники мне не надо. Не надо мне в Тростники. (Колченог жадно слушал и кивал). Мне надо в Город. Мы с тобой уже целый месяц об этом говорим. Я тебе вчера говорил, что мне надо в Город. Позавчера говорил, что мне надо в Город. Неделю назад говорил, что мне надо в Город. Ты сказал, что знаешь до Города дорогу, и позавчера, и неделю назад ты говорил, что знаешь до Города дорогу. Расскажи мне про дорогу до Города. Не до Тростников, а до Города. А еще лучше - пойдем до Города вместе. Не до Тростников пойдем вместе, а до Города пойдем вместе.

Атос замолчал. Колченог принялся оглаживать больное колено.

- Тебе, Молчун, когда голову отрезали, что-нибудь внутри повредили. Это как у меня нога. Сначала была нога ногой, самая обыкновенная. А потом шел я однажды ночью через Муравейники, нес муравьиную матку, и эта нога попала у меня в дупло, и теперь кривая. Почему кривая - никто не знает, но ходит плохо. Но до Муравейников дойду. Доведу тебя. Только не пойму, зачем ты сказал, чтобы я пищу на дорогу готовил. До Муравейников тут рукой подать. - Он посмотрел на Атоса и открыл рот. - Так тебе же не в Муравейники, - сказал он. - Тебе же в Тростники. Нет, не могу я в Тростники. Не дойду. Видишь, нога кривая. Слушай, Молчун, а почему ты так не хочешь в Муравейники? Давай пойдем в Муравейники, а? Я ведь с тех пор так и не бывал там ни разу, может, их уже и нету? Дупло то поищем, а?

Атос наклонился на бок и подкатил к себе горшок.

- Хороший горшок, - сказал он. - И не помню, где я в последний раз видел такие хорошие горшки. Так ты меня проводишь до Города? Ты говорил, что никто, кроме тебя, дорогу до Города не знает. Пойдем до Города, Колченог. Как ты думаешь, дойдем мы до Города?

- А как же? Дойдем. До Города? Конечно, дойдем. А горшки такие ты видел, я знаю где. У чудаков такие горшки. Они их, понимаешь, не выращивают, а из глины делают. У них там близко глиняная поляна, я тебе говорил, от меня сразу налево и мимо двух камней до грибной деревни. А в грибной деревне никто уже не живет. Туда и ходить не стоит. Что мы, грибов не видели, что ли… Когда у меня нога здоровая была, я никогда в эту грибную деревню не ходил, знаю только, что от них прямо за двумя оврагами чудаки живут. Да. Завтра, значит, выйдем. Слушай, Молчун, давай туда не пойдем. Не люблю я эти грибы. Понимаешь, у нас в лесу грибы - это одно. Их даже есть можно. А в этой деревне они зеленые и запах от них дурной. Зачем тебе туда? Еще грибницу сюда занесешь. Пойдем лучше в Город. Только тогда завтра не выйти. Надо еду запасти. Расспросить надо про дорогу. Или ты дорогу знаешь? Если знаешь, тогда я не буду спрашивать, а то я что-то и не соображу, у кого бы это спросить. Может, у старосты? Как ты думаешь?

- А сам ты про дорогу в Город ничего не слыхал? - спросил Атос. - Ты про эту дорогу много слыхал. Ты даже один раз почти дошел до Города, только мертвяков испугался. Боялся, что один не отобьешься.

- Мертвяков я не боялся и не боюсь, - возразил Колченог. - Я тебе скажу, чего я боюсь. Как мы с тобой идти будем? Ты так все время и будешь молчать? Я ведь так не могу. Ты не обижайся на меня, Молчун, ты мне скажи, громко не хочешь говорить, так шепотом скажи. Или просто кивни. А если кивать не хочешь, так вот правый глаз у тебя в тени, ты его прикрой, я увижу. Может быть, ты все-таки немножечко мертвяк? Я ведь мертвяков не терплю. У меня от них дрожь начинается, и ничего я с собой не могу поделать.

- Нет, Колченог, я не мертвяк, - сказал Атос. - Я их сам не терплю. А если ты боишься, что я буду молчать, так мы не вдвоем пойдем, я тебе уже говорил. С нами Кулак пойдет, и Хвост, и еще несколько парней из Новой деревни.

- С Кулаком я не пойду, - решительно сказал Колченог. - Кулак у меня дочь за себя взял. И не уберег. - Мне не то жалко, что он взял, а то мне жалко, что не уберег. Угнали у него дочку. Шел он с нею в Новую деревню, подстерегли его воры и дочку отобрали, а он и отдал. Нет, Молчун, с ворами шутки плохи. Если бы мы в Город пошли, от воров бы покою не было. То ли дело в Тростники! Туда можно без всяких колебаний идти. Завтра и выйдем.

- Послезавтра, - сказал Атос. - Ты пойдешь, я пойду. Кулак, Хвост и еще трое из Новой деревни. Так до самого города и дойдем.

- Всемером дойдем, - уверенно сказал Колченог. - Один бы я не пошел, а всемером дойдем. Всемером мы до Чертовых Гор дойдем, только я дороги туда не знаю. А, может, пошли до Чертовых Гор? Далеко очень, но всемером дойдем. А зачем тебе на Чертовы Горы? Слушай, Молчун, давай до Города дойдем, а там посмотрим. Пищи наберем побольше и пойдем.

- Значит, договорились, - сказал Атос и встал. - Послезавтра выходим в Город. Завтра я еще зайду к тебе.

- Заходи, заходи, - сказал Колченог. - Я бы сам к тебе зашел, да у меня нога болит. А ты заходи, поговорим. Я знаю, многие с тобой говорить не любят, но я не такой. Я…

Атос вышел на улицу и снова обтер ладонями пот. Продолжение следовало.

Кто-то хихикнул рядом и закашлялся. Атос обернулся. Из травы поднялся старик, потрещал узловатыми пальцами и сказал:

- В Город, значит, собрались. Интересно затеяли, да только до Города никто еще не доходил живым, да и нельзя. Хоть у тебя голова и переставленная, сам понимать должен…

Атос свернул направо и пошел по улице. Старик, путаясь в траве, некоторое время плелся следом и бормотал:

- Если нельзя, то всегда в каком-нибудь смысле нельзя, в том или ином, например, нельзя без старосты или без собрания, а со старостой или с собранием можно, но опять же не в любом смысле…

Атос шел быстро, насколько позволяла влажная жара, и старец понемногу отстал. На площади Атос увидел Слухача. Слухач, кряхтя и пошатываясь, ходил кругами, расплескивая пригоршнями коричневый травобой из огромного горшка, подвешенного на животе. Трава позади него дымилась и жухла на глазах. Атос попытался его миновать, но Слухач так ловко изменил траекторию, что столкнулся с ним нос к носу.

- А, Молчун! - радостно закричал он, торопливо снимая с шеи ремень и ставя горшок на землю. - Куда едешь, Молчун? Домой небось идешь, к Наве, дело молодое, а не знаешь ты, Молчун, что Навы твоей дома нету, Нава твоя на поле, своими глазами видел, как Нава на поле пошла, хочешь верь, хочешь не верь… Может, конечно, и не на поле, дело молодое, да только пошла твоя Нава, Молчун, по во-он тому переулку, а по тому переулку, кроме как на поле, никуда не выйдешь, да и куда ей, спрашивается, идти, твоей Наве, тебя, Молчуна, может разве искать…

Атос снова попытался его обойти и снова оказался с ним нос к носу.

- Да и не ходи ты за ней на поле - продолжал Слухач убедительно, - зачем тебе за нею ходить, когда я вот сейчас траву побью и всех сюда зазову, потому что землемер сказал, что ему староста велел, чтобы он сказал мне на площади траву побить, потому что скоро будет собрание, а как будет собрание, так все сюда с поля придут, и Нава твоя придет, если она на поле пошла, а куда ей еще по тому переулку идти, хотя, если подумать, то по тому переулку и не только на поле попасть можно…

Он вдруг замолчал и судорожно вздохнул. Глаза его закатились, руки как бы сами собой поднялись ладонями вверх. Атос приостановился. Мутное лиловое облако возникло возле лица Слухача, губы его затряслись, и он заговорил быстро и отчетливо чужим металлическим голосом с чужими интонациями, чужим диковинным стилем и даже, кажется, на чужом языке, так что понятными были только отдельные фразы.

- На фронте южных земель в битву вступают новые… отодвигается все дальше на юг… победного передвижения… Большое разрыхление почвы на северном направлении ненадолго прекращено из-за редких кое-где… Новые приемы заболачивания дают новые обширные места для покоя и нового передвижения на… Во всех деревнях… большие победы… усилия… новые отряды подруг… завтра и навсегда спокойствие и слияние…

Подоспевший старик стоял у Атоса за плечом и приговаривал:

- Видал? Спокойствие и слияние!.. Все время твержу: Нельзя! Во всех деревнях, слышал?.. Значит, и в нашей тоже. И новые отряды подруг…

Слухач замолчал и опустился на корточки. Лиловое облачко растаяло. О чем это я? - сказал он. - Что, передача была? Ну как там Одержание, исполняется? А на поле ты, Молчун, не ходи. Ты ведь, наверное, за своей Навой идешь…

Атос перешагнул через горшок с травобойкой и поспешно пошел прочь. Дом Кулака находился на самой окраине. Замурзанная старуха - не то мать, не то тетка, - сказала, недоброжелательно фыркая, что Кулака дома нету, Кулак в поле, а если бы был в доме, то искать его в поле было бы нечего, а раз он в поле, то чего ему, Молчуну, тут зря стоять. Атос отправился на поле.

В поле сеяли. Душный стоячий воздух был пропитан крепкой смесью запахов. Разило потом, бродилом, гниющими злаками. Утренний урожай был уже снят и толстым слоем навален вдоль борозды. Зерно уже разлагалось. Тучи рабочих мух толклись над горшками с закваской, а в самой гуще этого черного, отсвечивающего металлом круговорота стоял староста и, наклонив голову и прищурив один глаз, внимательно изучал каплю сыворотки на ногте большого пальца. Ноготь был специальный,

плоский, тщательно отполированный, до блеска отмытый нужными составами. Мимо ног старосты по борозде, в десяти шагах друг от друга, гуськом ползли сеятели. Они больше не пели, но в глубине леса еще гукало и ахало, и теперь ясно было, что это не эхо.

Атос пошел вдоль цепи, наклоняясь и заглядывая в опущенные лица. Отыскав Кулака, он тронул его за плечо, и Кулак сразу же, ни о чем не спрашивая, вылез из борозды. Борода его была забита грязью.

- Чего, шерсть на носу, касаешься? - прохрипел он, глядя Атосу в ноги. - Один вот тоже, шерсть на носу, касался, так его взяли за руки и за ноги и на дерево закинули, там он до сих пор и висит, а когда его снимут, так больше, небось, касаться не будет, шерсть на носу…

- Идешь? - коротко спросил Атос.

- Еще бы не иду, когда закваски на семерых наготовил, в дом не войти, шерсть на носу, воняет, жить невозможно, как не теперь не идти - старуха выносить не хочет, а сам я на это уже глядеть не могу. Да только куда идем? Колченог вчера говорил, что в Тростники, а я в Тростники не пойду, шерсть на носу, там и людей-то в Тростниках нет, не то что девок, там если человек захочет кого за ногу взять и на дерево закинуть, шерсть на носу, так некого, а мне без девки жить больше невозможно, меня староста со свету сживет… Вон, стоит, шерсть на носу, глаз вылупил, и сам слепой, как пятка, шерсть на носу, один вот так стоял, дали ему в глаз, больше не стоит, шерсть на носу, а в Тростники я не пойду, как хочешь…

- В Город, - сказал Атос.

- В Город - другое дело, в Город я пойду, тем более, говорят, что никакого Города вообще и нету, шерсть на носу, а врет о Городе этот старый пень, придет утром, половину горшка выест и начинает, шерсть на носу, плести: то нельзя, это нельзя… Я его спрашиваю, а кто ты такой, чтобы мне запрещать, что нельзя, а что можно, шерсть на носу - не говорит, сам не знает, про Город какой-то несет…

- Выходим послезавтра, - сказал Атос.

- А чего ждать? - возмутился Кулак. - У меня в доме ночевать невозможно, закваска смердит, пошли лучше вечером, а то вот так один

ждал-ждал, а ему как дали по ушам, так он и ждать перестал, и до сих пор не ждет… И старуха ругается, житья нет, шерсть на носу, слушай, Молчун, давай старуху возьмем, может, ее воры отберут, я бы отдал, а?

- Выходим послезавтра, - терпеливо повторил Атос. - И ты молодец, что закваски приготовил много. Нам…

Он не закончил, потому что на поле закричали.

”Мертвяки! Мертвяки! - заорал староста. - Женщины, назад!” Атос огляделся. Между деревьями на краю поля стояли мертвяки: двое синих совсем близко и один желтый поодаль. Головы их с круглыми дырами глаз и с черной трещиной на месте рта медленно поворачивались из стороны в сторону, огромные руки плетьми висели вдоль тела. Земля под их ступнями уже курилась, белые струйки пара мешались с сизым дымком. Мертвяки эти видали виды и поэтому держались крайне осторожно. У желтого правый бок был изъеден травобоем, а оба синих были испятнаны лишаями ожогов от бродила. Местами шкура на них отмерла и свисала лохмотьями. Пока они стояли и смотрели, женщины с визгом убежали в деревню, а мужчины, угрожающе и многословно бормоча, сбились в кучу с горшками травобоя наготове. Потом староста сказал: “Чего стоять? Пошли!” - и все неторопливо двинулись на мертвяков, рассыпались в цепь. “В глаза! - покрикивал староста. - Старайтесь в глаза им плеснуть! В глаза!” В цепи пугали: “Гу-гу! А ну пошли отсюда! А-га-га-га!” - связываться никому не хотелось.

Кулак шел рядом с Атосом, выдирая из бороды засохшую грязь, и кричал громче всех, а между криками приговаривал: “Да не-ет, зря идем, шерсть на носу, не устоят они, сейчас побегут… Разве это мертвяки? Драные какие-то, где им устоять… Гу-гу-гу! Вы!” Подойдя к мертвякам шагов на двадцать, люди остановились. Кулак бросил в желтого ком земли, мертвяк с необычайным проворством выбросил вперед широкую ладонь и отбил ком в сторону. Все снова загукали и затопали ногами, некоторые показывали мертвякам горшки и делали угрожающие движения. Травобоя было жалко, и не хотелось потом тащиться в деревню за новым бродилом, мертвяки были битые, осторожные, и должно было обойтись и так.

И обошлось. Пар и дым из-под ног мертвяков пошел гуще, они попятились. “Ну, все, - сказали в цепи. - Сейчас вывернутся…” Мертвяки

неуловимо изменились, словно повернулись внутри шкуры. Не стало видно ни глаз, ни рта - они стояли спиной. Через секунду они уже уходили, мелькая между деревьями. Там, где они только что стояли, медленно оседало облако пара.

Люди, оживленно галдя, двинулись обратно к борозде. Выяснилось вдруг, что пора уже идти в деревню на собрание. “На площадь ступайте, на площадь… - повторял каждому староста. - На площади собрание будет, так что идти надо на площадь…” Атос искал глазами Хвоста, но Хвоста в толпе видно не было. Кулак, трусивший рядом, говорил:

- А помнишь, Молчун, как ты на мертвяка прыгал? Как он, понимаешь, на него прыгнет, шерсть на носу, да как его за голову ухватит, обнял, как свою Наву, шерсть на носу, да как заорет… Помнишь, Молчун, как ты заорал? Обжегся, значит, ты, потом весь в волдырях ходил… Зачем же ты на него прыгал, Молчун? Один вот так на мертвяка прыгал, слупили с него кожу на брюхе, больше не прыгает, шерсть на носу, и детям прыгать закажет… Говорят, Молчун, ты на него прыгал, чтобы он тебя в Город унес, да ведь ты же не девка, чего он тебя понесет, да и Города, говорят, никакого нет, это все этот старый пень выдумывает слова разные - Город, Одержание… А кто его, это Одержание, видел? Слухач пьяных мух наглотается, как пойдет плести, а старый пень тут как тут, слушает, а потом ходит, жрет чужое и повторяет…

- Так послезавтра будь готов выходить, - сказал Атос. - Выйдем из Новой деревни. Если увидишь Колченога, напомни ему. Я напоминал и еще напоминать буду, но и ты тоже напомни…

- Я ему так напомню, что последнюю ногу отломаю, - пообещал Кулак.

На собрание сошлась вся деревня, болтали, толкались, сыпали на пустую землю семена - выращивали подстилки, чтобы мягко было сидеть. Под ногами путались детишки, их возили за вихры и за уши. Староста, бранясь, отгонял колонну плохо обученных муравьев, потащивших было личинок рабочих мух прямо через площадь, допрашивал окружающих, по чьему же это приказу муравьи здесь ходят. Но выяснить было уже невозможно. Подозревали Слухача и Атоса.

Атос отыскал Хвоста, но поговорить не успел, потому что собрание

началось, и первым, как всегда, полез выступать старик. О чем он говорил, понять было невозможно, но все сидели смирно и шикали на возившихся детишек. Кое-кто дремал. Старик долго распространялся о том, что такое нельзя и в каких оно бывает смыслах, призывал к Одержанию, сообщал об успехах на всех фронтах, бранил деревню, что везде есть новые отряды подруг, а в деревне нет, и ни спокойствия нет, ни слияния, и происходит это из того, что люди забыли слово “нельзя” и вообразили будто теперь все можно, а Молчун, например, вообще хочет уйти в Город, хотя его никто не вызывал, но деревня за это ответственности не несет, потому что он чужой, но если окажется вдруг, что он все-таки мертвяк, а такое мнение есть, то вот тогда неизвестно, что будет, тем более, что у Навы, хотя она тоже чужая, от Молчуна детей нет, и терпеть этого нельзя, а староста терпит… К концу выступления староста задремал, но услыхав свое имя, вздрогнул и сейчас же грозно крикнул: “Эй, не спать!”

- Спать дома будете, - сказал он, - на то дома и есть, чтобы в них спать, а на площади никто не спит, на площади собрания бывают. На площади мы спать не позволяли, не позволяем и позволять не будем. - Он покосился на старика. Старик важно кивнул. - Это и есть наше общее нельзя. - Он пригладил волосы и сообщил: - В Новой деревне объявилась невеста. А у нас есть жених, известный вам всем Болтун. Болтун, ты встань и покажись… впрочем, нет, ты лучше посиди так, мы тебя все знаем… Отсюда вопрос: отпускать Болтуна в Новую деревню или наоборот невесту из Новой деревни взять к нам… Нет-нет, ты, Болтун, посиди, мы без тебя решим, а если кто имеет мнение, то пусть скажет.

Мнений оказалось два. Одни (главным образом, соседи Болтуна) требовали, чтобы Болтуна отдали в Новую деревню - пусть-ка он там живет. Другие же, люди спокойные и серьезные, живущие на другом конце деревни, считали, что нет, женщин стало мало, воруют женщин, а потому невесту нужно брать к себе. Спорили долго и сначала по существу. Потом Колченог неудачно выкрикнул, что время военное, а про это забывают, и про Болтуна сразу забыли. Слухач стал кричать, что никакой войны нет и не было, а есть и будет Великое Разрыхление Почвы. И вовсе не Разрыхление, возразили в толпе, а Необходимое Заболочивание. Поднялся старик и, выкатив глаза, хрипло завопил, что все это нельзя, что нет никакой войны, и нет никакого Разрыхления, и нет никакого Заболочивания, а есть, была и будет борьба на всех фронтах. Как же нет войны, шерсть на носу, отвечали ему, когда за чудаковой деревней полное

озеро утопленников? Собрание взорвалось. Мало ли что утопленники, где вода, там и утопленники. И вовсе это не борьба и не война, и никакие это не утопленники, а есть это спокойствие и слияние в целях Одержания. А почему же тогда Молчун в Город идет? Раз он в Город идет, значит, Город есть, а раз Город есть, то какая может быть война? Ясно, что слияние! Мало ли куда идет Молчун! Один тоже шел, так ему дали по зубам, больше никуда… Молчун потому и идет в Город, что Города нет, а раз Города нет, то какое может быть слияние? Нет никакого слияния, одно время было, но уже давно нет. И Одержания уже нет! Потому что война! Да не война, я вам говорю, а борьба на всех фронтах! А утопленники? А ты их видел - утопленников? Эй, Болтуна держите!..

Атос, зная, что теперь это надолго, попытался начать разговор с Хвостом, Хвосту было не до разговоров. Хвост кричал: “Одержание! А мертвяки почему? Про мертвяков молчите, потому что не знаете, что и думать! Вот и кричите про Одержание!” Покричали про мертвяков, потом про грибные деревни, потом устали и начали затихать, утирая лица, обессиленно отмахиваясь друг от друга руками, и скоро обнаружилось, что все молчат, а спорят только старик и Болтун. Тогда все опомнились. Болтуна посадили, навалились, напихали в рот листьев. Старик еще некоторое время говорил, но потерял голос и не был слышен. Тогда поднялся взъерошенный представитель Новой деревни и, прижимая руки к груди, искательно озираясь, стал сорванным голосом просить, чтобы Болтуна к ним в Новую деревню не посылали, а взяли бы невесту к себе, а уж за приданым Новая деревня не постоит… Новый спор начинать уже не было никакой возможности, и выступление представителя решило вопрос.

Народ стал расходиться на обед. Хвост взял Атоса за руку и увлек в сторону под дерево.

- Ну когда же идем? - спросил он. - Мне в деревне надоело, я в лес хочу, в деревне скучно, не пойдешь, так и скажи, я один пойду, Кулака или Колченога подговорю и с ними вместе уйду…

- Выходим послезавтра, - сказал Атос. - Ты пищу приготовил?

- Я пищу приготовил и уже съел, у меня терпенья не хватает на нее смотреть, как она зря лежит и никто ее, кроме старика, не ест, а у меня сердце болит на это смотреть, я этому старику когда-нибудь шею

накостыляю, если скоро не уйду… Как ты думаешь, Молчун, кто такой этот старик, почему он у всех все ест? И где он живет? Я человек бывалый, я в десяти деревнях бывал, у чудаков бывал, даже к заморенным заходил, ночевал у них и от страху чуть не помер, а такого старика никогда не видел, он у нас какой-то редкостный старик, я думаю, мы его поэтому и держим, и не бьем, но у меня больше никакого терпения не хватает смотреть, как он по моим горшкам днем и ночью шарит и на месте ест, и с собой уносит, а ведь его еще мой отец ругал, пока его мертвяки не забили… И как в него все это влазит, ведь кожа да кости, там у него внутри и места нет, а два горшка вылижет и с собой два унесет, и горшки никогда обратно не возвращает… Слушай, Молчун, может, это не один старик, а их двое или трое? Двое спят, а один работает, нажрется, второго разбудит и спать ложится…

Хвост проводил Атоса до дома, но обедать отказался - из вежливости. Поговорив еще минут пятнадцать о том, как на озере в Тростниках приманивают рыбу шевелением пальцев и пообещав приготовить к послезавтрему новые запасы, а старика беспощадно гнать, он удалился. Атос перевел дыхание и вошел в дом. В голове от бесконечных разговоров и шума уже сгущался тяжелый туман, который к вечеру обычно доводил его до обмороков и тошноты.

Навы дома еще не было, а за столом сидел старик и ждал кого-нибудь, чтобы подали обед. Он повернулся лицом к Атосу и сказал:

- Медленно ты, Молчун, ходишь, я уже в двух домах побывал, везде уже обедают, а у вас пусто, потому у вас, наверное, и детей нет, что медленно ходите и дома вас никогда не бывает, когда обедать пора…

Атос подошел к нему вплотную и некоторое время постоял, соображая. Старик говорил:

- Сколько же это ты будешь до Города идти, если тебя и к обеду не дождаться? Я теперь все про тебя знаю, знаю, как вы в Город собрались, и решил я, что с вами пойду, мне в Город давно надо, да я дороги туда не знаю, а в Город мне надо для того, чтобы свой родовой долг исполнить и все обо всем кому следует рассказать…

Атос взял его под мышки и рывком поднял от стола. Старик от

удивления замолчал. Атос вынес его на вытянутых руках из дома, поставил на дорогу и вытер руки о траву. Старик опомнился.

- А еды вы на меня возьмите сами, - сказал он вслед Атосу. - Потому что я иду свой долг исполнять, а вы - для удовольствия, через нельзя.

Атос вернулся в дом, сел за стол и опустил голову на стиснутые кулаки. Послезавтра я ухожу, думал он. Послезавтра. Послезавтра.

3

Голос дежурного произнес:

- Экстренный сеанс Д-связи, Земля вызывает Горбовского Леонида Андреевича. Говорите, Леонид Андреевич…

Поль поднялся, чтобы выйти, но Горбовский сказал:

- Куда вы, Поль? Останьтесь! Какие у меня с Землей могут быть секреты? Да еще по Д-связи… Горбовский слушает, - сказал он в микрофон. - Это кто?.. Кто?! А если по буквам? Нет, на экране ничего не разберу… Ботва какая-то на экране… Ботва!.. Да… А-а, Павел?! Так бы и говорил. Ну, как ты живешь?..

Связь была на редкость плохая. Изображение на экране напоминало полуразрушенную древнюю фреску, а Горбовский все время морщился и переспрашивал, вдавливая пальцем в ухо горошину репродуктора. Поль присел в кресло для посетителей и стал разбирать сводки.

- Как тебе сказать… Более или менее отдохнул… Что?.. А-а, да, неплохо… Пока все в порядке. А почему ты вдруг заинтересовался?.. Ну-ну!.. Опять… А нельзя ли как-нибудь этого Прянишникова временно посадить под замок? Чтобы не открывал… Закрыть надо, а не работать! Слышишь? Закрыть! Контакт уже установлен?.. Ну вот. Только этого нам и не хватало… Да, я всегда очень интересовался этим вопросом. Только не в том смысле, как ты думаешь… Я говорю: интересовался, только в другом

смысле! В негативном смысле, понимаешь? В негативном!.. В смысле “да минет нас чаша сия”! Правильно ты понимаешь. Решительно против. Это открытие нужно закрыть, пока еще не поздно! Вы не даете себе труда подумать, что вы там делаете!..

За окном был дождь и туман. Настоящий туман. Тянуло сыростью и запахом леса, неприятным острым запахом, который в обычные дни не поднимается на такую высоту. Издалека, из очень далекого далека, слабо доносилось урчание грома. Поль записал для памяти на полях сводки: “В 15:00 пожарная тревога. В 17:00 биологическая тревога”.

- …Да, мне здесь очень хорошо сидеть… А в печати нужны контр-выступления… Ты мне скажи вот что. Чего тебе от меня нужно? Только прямо и без дипломатии, потому что плохо слышно… Не скажу я этого. Как я могу тебе это сказать, если я считаю, что - нет?.. Представляю. Действительно, глупо. Надо как-то сдерживать… Откуда вы там взяли, что это общественная потребность? Стоит компании мальчишек поднять шум, как вы… Да!.. Да, я - нет. Решительно - нет… Нет!.. Слушай, Павел. Я об этом думаю уже лет десять… Давай лучше, я подумаю еще лет десять, а?.. Кстати, какой это чудак посылает сюда шифровки на имя Герострата?.. Как много тебе нужно, чтобы я оставался твоим любимейшим другом. Ладно, передай им так. Только имей в виду, что я все равно скажу - нет… Ну как… Как ты сам только что сказал. Леонид, мол, Горбовский… Ах, на магнитофон… А что я старый стал, ты тоже записываешь?.. Значит, так… Э-э… Я… м-м-м… глубоко убежден в том, что в настоящее время всякие акции подобного рода могут иметь далеко идущие и даже катастрофические для человечества последствия. Хорошо я сказал?.. Так. Ты не хочешь, чтобы я заставлял тебя врать, но ты хочешь, чтобы врал я сам?.. Не буду я врать, Павел. И вообще, имей в виду: этот вопрос не в нашей компетенции. Теперь этот вопрос уже в компетенции Мирового Совета… Вот я и даю Мировому Совету рекомендацию… Да, мне здесь хорошо сидеть, и никаких проблем… Будь здоров.

Поль поднял глаза. Горбовский медленно вынул из ушей репродукторы, осторожно положил их в кювету с раствором и некоторое время сидел, помаргивая и посту кивая пальцами по поверхности стола. Лицо у него стало желчным.

- Поль, - сказал он, - вы давно здесь?

- Четвертый год.

- Четвертый год… А до вас кто был?

- Максим Хайроуд, а до него - Ральф Ионеско, а кто был до Ральфа - я уже не знаю. Вернее, не помню. Узнать?

Горбовский, казалось, не слушал.

- А чем вы занимались до Пандоры? - спросил он.

- Года два охотился, до этого работал на мясо-молочной ферме. На Волге.

Это не было похоже на беседу. Горбовский задавал вопросы таким тоном, как будто собирался пригласить Поля на работу.

- Поль, если не секрет, как случилось, что вы сменили здесь Макса?

- Я работал у Максима старшим егерем. При нем здесь погибли двое туристов и один биолог, и он ушел. Меня назначили начальником по традиции.

- Это вам Макс сам сказал?

- Что именно?

Горбовский повернулся и посмотрел на Поля.

- Макс ушел потому, что не выдержали… нервы?

- Мне кажется, да. Он очень мучился. Со мной он, конечно, не говорил ни о чем подобном, но я знаю, что последнее время он не спал ночей. Каждый раз, когда кто-нибудь выходил на связь нерегулярно, он менялся в лице. Это я видел сам.

- Да-а… - протянул Горбовский. Потом он встрепенулся. - Что же это я тут расселся? Садитесь на свое место, Поль, а я сяду туда. Если вы меня не выгоняете, конечно.

Они поменялись местами. Несколько секунд Горбовский сидел в кресле

для посетителей очень прямо и выжидательно смотрел на Поля, потом осторожно прилег.

- Лет пять назад, - сказал он, - мне пришлось участвовать в увлекательнейшей охоте. Мой друг Кондратьев… Вы слыхали о нем, конечно, он недавно умер… Кондратьев пригласил меня охотиться на гигантских спрутов. Не припомню, чтобы какое-нибудь другое существо вызывало у меня такое же отвращение и инстинктивную ненависть. Одного я убил, второго сильно покалечил, но он ушел. А спустя два месяца появилась хорошо вам, вероятно, известная статья Лассвица.

Поль сдвинул брови, пытаясь вспомнить.

- Лассвиц, Лассвиц… Хоть убейте, не помню, Леонид Андреевич.

- А я помню, - сказал Горбовский. - Вы знаете, у человечества есть по крайней мере два крупных недостатка. Во-первых, оно совершенно не способно созидать, не разрушая. А во-вторых, оно очень любит так называемые простые решения. Простые, прямые пути, которые оно почитает кратчайшим. Вам не приходилось думать по этому поводу?

- Нет, - сказал Поль улыбаясь, - боюсь, что не приходилось.

- А как у вас обстоят дела с эмоциями, Поль?

- Думаю, что обстоят хорошо. Я могу любить, могу ненавидеть, могу презирать, могу уважать. По-моему, спектр полный. Да, и еще могу удивляться. Вот как сейчас, например.

Горбовский тоже вежливо улыбнулся.

- А такая эмоция, как разочарование, вам знакома? - спросил он.

- Разочарование… Еще бы! Я всю жизнь только и делаю, что разочаровываюсь.

- Я тоже, - сказал Горбовский. - Я был очень разочарован, когда выяснилось, что расшатать инстинкты у человека еще труднее, чем расшатать наследственность. Я был очень разочарован, когда оказалось, что мы интересуемся Странниками гораздо больше, чем Странники -

нами…

- Правильнее сказать, Странники нами вовсе не интересуются.

- Вот именно. Я несколько приободрился, - продолжал Горбовский, - когда наметились успехи алгоритмизации человеческих эмоций, мне казалось, что это открывает широкие и довольно ясные перспективы. Но боже мой, как я был разочарован, когда мне довелось поговорить с первым кибернетическим человеком!.. Вы знаете, Поль, у меня такое впечатление, что мы можем чрезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно. Я боюсь, что мы не поняли даже, чего мы, собственно, хотим. Вы чего-нибудь хотите, Поль?

Поль вдруг ощутил усталость. И какое-то недоверие к Горбовскому. Ему показалось, что Горбовский смеется над ним.

- Не знаю, - сказал он. - Хочу, конечно. Например, очень хочу, чтобы меня полюбила женщина, которую я люблю. Чтобы охотники возвращались из леса благополучно. Чтобы мои друзья не погибали неизвестно где. Вы об этом спрашиваете, Леонид Андреевич?

- Но достаточно ли вы хо_т_и_т_е_ этого?

- Думаю, что достаточно, - сказал Поль и взял сводку.

- Странно, - сказал Горбовский задумчиво. - Последнее время я все чаще замечаю, что раздражаю людей. Раньше этого не было. Не пора ли и мне заняться чем-нибудь другим?

- А чем вы занимаетесь сейчас? - спросил Поль, делая пометки на полях сводки.

- Вот вы даже из вежливости не сказали, что я вас вовсе не раздражаю. Но кто-то же должен раздражать! Слишком стало все определенно, слишком все уверены… Я, пожалуй, пойду, Поль. Пойду побросаю камешки. Вот уж что кажется никого не раздражает, как я ни стараюсь… - Он сделал попытку встать и снова лег, глядя на окно, по которому текли крупные капли.

Поль засмеялся и бросил карандаш.

- Вы действительно иногда действуете на нервы, Леонид Андреевич. Но снаружи мокро и неуютно, так что лучше останьтесь. Вы мне не мешаете.

- В конце концов нервы тоже нужно тренировать, заметил Горбовский задумчиво. - Тренировать свою способность к восприятию. Иначе человек становится невосприимчивым, а это скучно. Они замолчали. Горбовский, кажется, задремал в своем кресле. Поль работал. Потом секретарь-автомат доложил, что егерь Сименон с туристом-новичком явились на инструктаж. Поль приказал звать.

Вошел маленький чернявый Сименон в сопровождении новичка, физика Марио Пратолини, оба в комбинезонах, увешанные снаряжением, при карабинах и охотничьих ножах. Сименон был как всегда угрюм, а Марио сиял и лоснился от удовольствия и волнения. Поль встал к нему навстречу. Горбовский открыл глаза и стал смотреть. На лице его появилось сомнение, и Поль сразу понял, в чем дело: новичок был явно плох.

- Куда отправляетесь? - спросил Поль.

- Пробный выход, - ответствовал Сименон. - Первая зона. Сектор шестнадцать.

- Я не такой уж и новичок, директор, - сказал Марио с веселым достоинством. - Я уже охотился на Яйле. Может быть, можно обойтись без пробы?

- Нет, без пробы нельзя, - сказал Поль. Он вышел из-за стола и остановился перед Марио. - Без пробы нельзя, - повторил он. - Инструкцию изучили?

- Два дня зубрил, директор. Мне приходилось охотиться на ракопауков, и мне говорили…

- Это несущественно, - мягко перебил Поль. - Давайте лучше поговорим о Пандоре. Вы потеряли егеря. Ваше решение?

- Даю серию сигнальных выстрелов и жду ответа, - отбарабанил Марио.

- Егерь не отвечает.

- Включаю рацию, сообщаю вам.

- Действуйте.

Марио схватился за рации, и Сименон едва успел подхватить его карабин. Горбовский опасливо поджал ноги.

- Не торопитесь, - посоветовал Поль, - и будем считать, что карабин вы уже утопили.

Марио воспринял это как шутку. По его движениям было видно, что рации вообще для него не диковинка, но не такие - агрегаты из коротковолнового приемопередатчика, радиометра и биоанализатора. Марио с сопением крутил верньеры, Поль ждал, а Сименон, держа у ноги оба карабина, смотрел в угол.

- Странно, - сказал, наконец, Марио. - Просто удивительно…

- Да нет, - сказал Поль. - Что же тут удивительного? Вы, собственно, чего хотите?

- Ах, да! - Марио вдруг осенило. - Так я получаю концентрацию белка… Ага… Белка много… Так. Сейчас. Готово! Передавать?

- Передавайте, - холодно сказал Поль.

- Э-э… А-а… Постойте, я еще не подсоединил микрофон… - Марио засунул руку за воротник, ища шнур микрофона. - Вообще, если рассуждать логически, совершенно непонятно, как может потеряться егерь.

- Слева, слева, - мрачно подсказал Сименон.

- Да, - согласился Поль. - Егерю теряться совершенно незачем. Но можете потеряться вы.

Марио подсоединил микрофон и снова спросил:

- Передавать?

- Передавайте, - сказал Поль.

- Алло, алло, - сказал Марио стандартным радиоголосом, - База, База, говорит Пратолини, потерял егеря, жду указаний!

- Поль, - мрачно сказал Сименон. - В пробном выходе все это не так уж обязательно. Мы пройдем от ориентира к ориентиру, я покажу ему тахорга, и мы вернемся менять белье…

- А в чем дело? - спросил Марио несколько раздраженно. - Меня не слышно? Как вы меня слышите? Алло!

- Слышу вас хорошо, - сказал Поль. - С запада на ваш сектор идет лиловый туман, приготовьтесь. Включите пеленгатор и ждите на месте.

Марио включил пеленгатор и спросил:

- А что, лиловый туман - это существенно?

Поль повернулся к Сименону.

- Ты готовил его к выходу? - спросил он тихо.

Сименон покусал губу.

- Поль, - сказал он. - Мы идем в пробный выход.

- Ты ошибаешься, - сказал Поль ровным голосом. - Вы не идете в пробный выход. Вы сейчас идете в террарий и будете тщательно готовится к пробному выходу. Не в кафе, а в террарий. И не рассказывать легенды, а готовиться к пробному выходу. А завтра я приму вас опять и посмотрю, как вы подготовились. Я вас не задерживаю.

- Прошу прощения! - воскликнул Марио. Глаза его засверкали. - Я не мальчик! Я охотился на Яйле, у меня не так уж много времени! Я приехал охотиться на Пандору! В Пандорианский террарий я мог бы сходить и в Кейптауне…

- Пойдем, пойдем, - сказал Сименон, взял его за руку.

- Да нет, Жак, что значит - пойдем? Это странный, необъяснимый формализм! - Поль холодно смотрел ему в глаза. Марио стало неловко, и

он стал смотреть на Горбовского - как на знакомого человека и соседа по столу в столовой. - На Яйле я не видел ничего подобного!

- Пойдем, пойдем, - повторил Сименон и потянул его за собой.

- Но я требую хотя бы объяснений! - гремел Марио, обращаясь уже прямо к Горбовскому. - Я терпеть не могу, когда со мной обращаются, как с каким-нибудь сопляком! Что это за вздор? Почему это у меня может вдруг потеряться егерь?

- Не сердитесь, Марио, - сказал Горбовский и улегся поудобнее. - Не надо так сердиться, а то на вас по-настоящему рассердятся. Вы ведь совсем-совсем не правы. Совсем-совсем. И ничего уж тут не поделаешь.

Марио несколько секунд смотрел на него, раздувая ноздри. Потом, произведя неопределенное движение рукой, он сказал:

- Это совсем другое дело. В конце концов порядок должен быть во всем. Но могли мне сразу просто сказать, что я неправ…

- Да пойдем же! - в отчаянии вскричал Сименон.

- Жак, - сказал Поль им вслед. - В восемнадцать ноль-ноль зайдешь ко мне.

Горбовский неожиданно вскочил.

- Погодите, Жак! - закричал он. - Один вопрос! Можно? Что вы будете делать, если столкнетесь в лесу с неизвестным животным?

- Пристрелю и позову биологов, - зло ответил Сименон и скрылся за дверью.

- Гордец какой, - сказал Горбовский и снова повалился в кресло.

- Видали? - сказал Поль. - Ну, я им покажу пробный выход, они у меня вспомнят первый закон человечества… - Он вернулся за свой стол, отыскал давешнюю сводку и приписал на полях: “22:00 - радиологическая тревога и землетрясение. 24:00 - общая эвакуация”. Затем он нагнулся над микрофоном секретаря и продиктовал: “В 18:00 совещание всего

свободного от дежурства персонала у меня в кабинете”. Горбовский сказал:

- Очень вы грозны, Поль.

- Тем хуже для меня, - сказал Поль.

- Да, - согласился Горбовский. - Тем хуже для вас. Вы еще очень молодой начальник. Со временем это проходит.

Поль хотел ответить, что, в конце концов, он предпочел бы вообще не быть начальником и что на благоустроенных планетах начальники вообще никому не нужны, как вдруг под потолком вспыхнул красный свет и раздался оглушительный звон. Оба вздрогнули и разом повернулись к экрану аварийной связи. Поль включил прием и сказал:

- Директор слушает.

Послышался хриплый задыхающийся голос:

- Говорит Сартаков! Говорит Сартаков! Как меня слышно?

- Слышно хорошо, - нетерпеливо сказал Поль. - В чем дело?

- Поль! Мы свалились! Сектор семьдесят три, повторяю, сектор семьдесят три. Ты слышишь меня?

- Да, сектор семьдесят три. Продолжай…

- Пеленгаторы работают, люди целы, вертолет разрушен. Ждем помощи. Ты слышишь меня?

- Слышу отлично, жди на связи… - Поль положил руки на пульт. - Дежурный, говорит директор. Один дирижабль с одним вездеходом. На дирижабль группу Шестопала, на вездеход - Кутнова. Готовность доложить через десять минут. Полный аварийный запас. Повторите!

Дежурный повторил.

- Исполняйте… Внимание, База! Заместителю директора Робинзону срочно явиться к директору в полном походном снаряжении…

- Поль! - снова проговорил хриплый голос. - Если можешь, прилетай сам, мне кажется, это очень важно… Мы висим на дереве, и я вижу очень странные вещи… Такого мы еще не видели! Объяснить тебе не могу, но это что-то особенное… Осторожно, Рита Сергеевна!.. Поль, если можешь, прилетай сам! Не пожалеешь!

- Буду сам, оставайся на связи, - сказал Поль. - Все время оставайся на связи. Оружие в порядке?

- У нас все в порядке, кроме вертолета… Он весь в каком-то киселе… И сломана лопасть…

Поль отскочил от ствола и распахнул стенной шкаф. Горбовский стоял около карты и водил пальцем по сектору семьдесят три.

- Здесь уже была авария, - сказал он.

Поль подошел к нему, застегивая комбинезон.

- Где? - Руки его замерли. - Ах, вот оно что… - проговорил он и начал застегиваться еще быстрее. Горбовский смотрел на него, подняв брови.

- Да? - сказал он.

- В этом секторе, - сказал Поль, - три года назад погиб Атос. По крайней мере, он пеленговал в последний раз именно отсюда.

Хриплый голос сказал:

- Я вам, Рита Сергеевна, не советую что-нибудь здесь трогать. Давайте будем сидеть смирненько и ждать. Вам удобно сидеть? Ага, вот и хорошо… Нет, я сам ничего здесь не понимаю, так что давайте сидеть и ждать, ладно? Вы кушать не хотите?.. Ну и что же, меня тоже тошнит… Примите вот эту пилюльку…

Горбовский нежно взял Поля за пуговицу нагрудного прожектора и сказал:

- Можно, я с вами, Поль?

Полю стало неприятно. Этого он никак не ожидал от Горбовского. Это никуда не годилось с любой точки зрения.

- Что вы, Леонид Андреевич, - сказал он, морщась, - зачем?

- Я чувствую, что мне нужно там быть, - сказал Горбовский. - Непременно. Можно?

Глаза у Горбовского были какие-то непривычные. Полю они показались испуганными и жалкими. Этого Поль терпеть не мог.

- Знаете что, Леонид Андреевич, - сказал он, отстраняясь, - тогда уж лучше, может быть, мне взять Турнена? Как вы полагаете?

Горбовский задрал брови еще выше и вдруг покраснел. Поль почувствовал, что тоже краснеет. Сцена получилась омерзительная.

- Поль, - сказал Горбовский, - голубчик, опомнитесь, что вы? Я - старый занятой человек, мне это все, что вы думаете, как-то даже безразлично… Я совсем из других соображений…

Поль совсем смутился, потом рассвирепел, а потом ему пришло в голову, что все это сейчас не имеет никакого значения и думать нужно совсем о другом.

- Снаряжайтесь, - сухо сказал он. - И приходите к ангару. Извините, все.

- Благодарю вас, - сказал Горбовский и вышел. В дверях он столкнулся с заместителем директора Робинзоном, и они потеряли несколько секунд, уступая друг другу дорогу с озабоченными улыбками.

- Джек, - сказал Поль, - ты остаешься за меня. Я лечу сам. Авария у Кутнова. Туристы не должны знать. Понял? Ни одна душа. Там Рита Сергеевна. Объяви готовность номер один.

Атос вышел затемно, чтобы вернуться к обеду. До Новой деревни было километров десять, дорога была знакомая, утоптанная, вся в голых проплешинах от рассыпанной травобойки. Считалось, что ходить по ней было безопасно. Справа и слева тянулись теплые бездонные болота, из ржавой воды торчали сгнившие черные ветви, округлыми блестящими куполами поднимались гигантские шляпки болотных поганок, иногда возле самой дороги попадались покинутые раздавленные дома водяных пауков. Но что делается на болотах, с дороги увидеть было трудно: из плотного переплетения древесных крон над головой свешивались и уходили в топь торопливыми корнями мириады толстых зеленых колонн, канатов, нитей и создавали непроницаемую завесу. Время от времени в желто-зеленом мраке что-то обрывалось и с шумом падало, раздавался жирный всплеск, болото вздыхало и чавкало, и снова наступала тишина. По бездонной трясине человек по-видимому пройти не мог, зато мертвяки ходили везде, но мужчине мертвяки не опасны. На всякий случай Атос выломал себе дубину. О лесных опасностях ходили всякие слухи, и некоторые могли оказаться верными. Он отошел от деревни шагов на пятьсот, когда его нагнала Нава. Он остановился.

- Ты почему без меня ушел? - спросила Нава запыхавшимся голосом. - Я же тебе говорила, что я с тобой уйду, я одна в этой деревне не останусь, нечего мне одной там делать, там меня никто не любит, а ты - мой муж, ты должен меня взять с собой, это ничего не значит, что у нас нет детей, все равно, ты мой муж, а я твоя жена, а дети у нас с тобой еще будут, просто я честно тебе скажу, я пока еще не хочу детей, непонятно мне, зачем они, мало ли что там староста говорит или старик, у нас в деревне совсем не так было, кто хочет, тот имеет, а кто не хочет, тот не имеет…

- Вернись домой, - сказал Атос. - Откуда ты взяла, что я ухожу? Я к обеду буду дома.

- Вот я с тобой и пойду, а к обеду мы вместе вернемся, обед у меня со вчерашнего дня готов, я его спрятала, и старик его не найдет.

Атос повернулся и пошел дальше. Спорить было бесполезно, пусть идет. Он даже повеселел. Ему захотелось с кем-нибудь сцепиться, помахать дубиной, сорвать на ком-нибудь тоску и злость, накопленные за столько-то там лет. На ворах. Или на мертвяках. Пусть девчонка идет. Тоже мне жена! Детей она не хочет. Он размахнулся и ахнул дубиной по сырой коряге у

обочины и чуть не свалился: коряга распалась в труху, и дубина проскочила сквозь нее, как сквозь тень. Несколько юрких серых животных выскочили и, булькнув, скрылись в темной воде.

Нава скакала рядом, то забегая вперед, то отставая, время от времени она брала Атоса за руку обеими руками и повисала на нем. Она говорила об обеде, который очень ловко спрятала от старика, о том, что обед могли бы съесть дикие муравьи, если бы она не сделала так, что муравьи до него в жизни не доберутся, о том, что разбудила ее муха, а когда она вчера засыпала, Атос уже храпел… Атос слушал и не слушал, привычный нудный гул заполнял его голову, он шагал и тупо думал о том, почему он ни о чем не может думать, может быть, это сказывалось действие бесконечных прививок, которыми так злоупотребляли деревенские жители, а может быть, сказывался весь дремотный, даже не первобытный, а просто растительный образ жизни, который он вел с незапамятных времен, когда вертолет на полной скорости влетел в невидимую преграду, перевернулся и камнем рухнул в болота. А может быть, когда его выбросило из кабины, он ударился головой, да так и не оправился… Ему вдруг пришло в голову, что все это - умозаключения, и он обрадовался; ему казалось, что он давно потерял способность к умозаключениям и может твердить только одно: послезавтра, послезавтра… Он глянул на Наву. Девчонка висела у него на левой руке, смотрела снизу вверх и рассказывала:

- Они все сбились в кучу, и стало страшно жарко, ты знаешь ведь, какие они, а луны в эту ночь совсем не было. Тогда моя мать тихонько вытолкнула меня, и я проползла на четвереньках у всех под ногами и больше уже матери не видела…

- Нава, - сказал Атос, - ведь ты мне эту историю рассказывала уже двести раз.

- Ну и что же? - сказала Нава, удивившись. - Какой ты странный, Молчун. А что же мне тебе еще рассказывать? Я больше ничего не помню и не знаю. Не буду же я тебе рассказывать, как мы с тобой на прошлой неделе рыли погреб… Ты же это и сам все видел. Вот если бы я рыла погреб с кем-нибудь другим, с Колченогом, например, или с Болтуном… - Она вдруг оживилась. - А знаешь, Молчун, это даже интересно. Расскажи ты мне, как мы с тобой рыли погреб. Мне еще никто об этом не рассказывал…

Атос опять отвлекся. Медленно, покачиваясь, проплывали по сторонам желто-зеленые заросли, кто-то сопел и вздыхал в воде, с тонким воем пронесся рой мягких белесых жуков, из которых делают пьяные настойки. Дорога под ногами то становилась мягкой от высокой травы, то жесткой от щебня и крошеного камня. Желтые, серые, зеленые пятна - взгляду не за что было зацепиться, и нечего было запоминать. Потом тропа круто свернула влево, Атос прошел еще несколько шагов и остановился. Нава замолчала на полуслове.

У дороги головой в болоте лежал мертвяк. Руки и ноги его были растопырены и неестественно вывернуты, и он был совершенно неподвижен. Он лежал на смятой, пожелтевшей от жара траве, и даже издали было видно, как страшно его били. Он был как студень. Атос осторожно обошел его стороной. Ему стало тревожно. Бой произошел совсем недавно; мятые пожелтевшие травинки на глазах распрямлялись. Атос внимательно оглядел дорогу. Следов было много, но он в них ничего не понимал. А дорога вперед, совсем близко, делала новый поворот, и что было за поворотом - угадать было нельзя. Нава все оглядывалась на мертвяка.

- Это не наши, - сказала она очень тихо. - Наши так не могут. Кулак все грозится, но он тоже не может, только болтает… Молчун, давай вернемся, а? Вдруг это уроды? Давай лучше вернемся…

Атос разозлился. Опять? Опять откладывать? Сто раз он ходил по этой дороге и не встречал ничего, что стоило запомнить. А теперь, когда завтра нужно уходить, эта единственная безопасная дорога становится опасной. В Город можно пройти только через Новую деревню. Если в Город вообще можно пройти, если Город вообще существует, то дорога к нему идет через Новую деревню… Он вернулся к мертвяку. Он представил себе, как Колченог, Кулак и Хвост, непрерывно болтая, хвастаясь и грозясь, топчутся возле этого мертвяка, а потом, не переставая грозиться и хвастать, поворачивают назад.

Он нагнулся и взял мертвяка за ноги. Ноги были еще горячие, но уже не обжигали. Атос рывком толкнул грузное тело в болото. Трясина чвакнула, засипела и подалась. Мертвяк исчез. По темной воде пробежала и погасла рябь.

- Нава, - сказал Атос, - иди в деревню.

- Как же я пойду в деревню, - рассудительно сказала Нава, - если ты туда не пойдешь? Вот если бы ты тоже пошел в деревню…

- Перестань болтать, - сказал Атос. - Сейчас же беги в деревню и жди меня. И ни с кем не разговаривай.

- А ты?

- Я - мужчина, - сказал Атос. - Мне никто ничего не сделает.

- Еще как сделают, - возразила Нава. - Я тебе говорю: вдруг это уроды? Им все равно, мужчина, женщина, мертвяк… Они тебя тоже уродом сделают. Как же я пойду одна, когда они, может быть, там, сзади?

- Никаких уродов на свете нет, - неуверенно сказал Атос. Он посмотрел назад. Там тоже был поворот, а что было за поворотом - угадать тоже было нельзя.

Нава что-то говорила, много, быстро и шепотом. Атос взял дубину поудобнее.

- Хорошо, - сказал он. - Иди со мной. Только держись рядом и, если я буду что-нибудь приказывать, сразу же выполняй. И молчи. Закрой рот и молчи до самой Новой деревни.

Молчать она, конечно, не умела. Она действительно шла рядом, не забегала вперед и не отставала, но все время что-то бормотала себе под нос. Они миновали опасный поворот, затем миновали еще один опасный поворот, и Атос уже немного успокоился, когда из высокой травы, прямо из болота, им навстречу молча вышли и остановились люди.

Ну вот, устало подумал Атос. Как мне не везет. Мне все время не везет. Он поглядел на Наву. Нава затрясла головой, лицо ее сморщилось.

- Ты меня им не отдавай, Молчун, - пробормотала она. - Я не хочу с ними. Я хочу с тобой, не отдавай меня…

Он посмотрел на людей. Их было семеро - все мужчины, все заросшие до

глаз и все с громадными суковатыми дубинами. Это были не здешние люди, и одеты они были не по-здешнему, совсем в другие растения. Это были воры.

- Ну так что же вы встали? - глубоким раскатистым голосом сказал вожак. - Подходите, мы дурного не делаем… Если бы вы были мертвяки, тогда, конечно, разговор был бы другой, да и никакого разговора вовсе бы и не было, приняли бы вас на сучки да на палочки, вот и весь разговор. Куда направляетесь? В Новую деревню? Ну так вот, отец, ты себе иди, а дочку нам оставь, да не жалей, ей у нас лучше будет…

- Нет, - сказала Нава, - я к ним не хочу. Это же воры.

Воры засмеялись без всякой злобы, привычно.

- А может, нас обоих пропустите? - спросил Атос.

- Нет, - сказал вожак, - обоих нельзя. Тут кругом сейчас мертвяки, пропадет твоя девка, подругой славной станет, а это нам, людям, ни к чему, да и тебе ни к чему, отец, сам подумай, если ты человек, а не мертвяк, а на мертвяка ты вроде не похож, хотя и человек ты на вид странный…

- Она же еще девочка, - сказал Атос. - Зачем вам ее обижать?

Вожак удивился.

- Почему же обижать? Не век же она девочкой будет, придет время, станет женщиной, не славной там какой-нибудь подругой, а женщиной…

- Это он все врет, - сказала Нава. - Ты ему, Молчун, не верь. Ты что-нибудь сделай скорее, а то они меня сейчас заберут, как Колченогову дочку забрали, с тех пор ее так никто и не видел, не хочу я к ним, я лучше этой славной подругой стану, смотри, какие они все дикие да тощие, у них и есть-то, наверное, нечего.

Атос беспомощно огляделся, а потом в голову ему пришла мысль, показавшаяся ему очень удачной.

- Слушайте, люди, - сказал он. - Возьмите нас обоих.

Воры приблизились. Вожак внимательно оглядел Атоса с головы до ног.

- Нет, - сказал он. - Зачем ты нам такой нужен! Вы, деревенские, никуда не годитесь, отчаянности в вас нет, и живете вы непонятно зачем, вас приходи и голыми руками бери. Не нужен ты нам, отец, иди себе в свою Новую деревню, а девочку оставь нам.

Атос глубоко вздохнул, взял дубину обеими руками и сказал Наве негромко:

- Ну, Нава, беги. Беги, не оглядывайся, я их задержу.

Глупо, подумал он. До чего же глупо. Он вспомнил мертвяка, лежащего головой в темной воде, постарался отогнать от себя это видение и поднял дубину над головой.

- Эй, эй! - закричал вожак. Все семеро, толкаясь и оскальзываясь в болото, гурьбой кинулись вперед. Несколько секунд Атос еще слышал дробный стук Навиных пяток, а потом ему стало не до этого. Ему было страшно и стыдно, но потом страх прошел, потому что довольно быстро выяснилось, что единственным стоящим бойцом из воров был вожак. Отбивая его удары, Атос видел, как остальные, довольно бессмысленно размахивая дубинами, задевают друг друга, падают от собственных богатырских размахов и попадают друг по другу. Один с шумом упал в болото и заорал: “Тону!” Двое принялись его тащить, но вожак наседал, пока Атос случайно не угодил ему по коленной чашечке. Тогда вожак зашипел и присел на корточки. Атос отскочил. Двое воров тащили третьего из болота. Тот уже здорово увяз, лицо его посинело. Вожак сидел на корточках и укоризненно смотрел на Атоса. Остальные трое столпились позади вожака с грозно поднятыми дубинами.

- Дурак ты, - сказал вожак с обидой. - Долбня ты деревенская. И откуда ты такой взялся… Выгоды своей не понимаешь, дерево ты стоеросовое…

Больше Атос ждать не стал. Он повернулся и со всех ног пустился бежать вслед за Навой. Воры кричали ему вслед насмешливо. Вожак гукал и взревывал: “А держи его! Держи!” Они за ним не гнались, и это Атосу не понравилось. Вообще он испытывал некоторое разочарование и досаду и на бегу пытался сообразить, как же эти неуклюжие и неповоротливые люди могут наводить ужас на деревни да еще каким-то образом уничтожать

мертвяков. Скоро он увидел Наву: девочка скакала шагах в двадцати впереди, твердо ударяя в тропу босыми пятками. Потом она снова скрылась за поворотом и вдруг снова выскочила, замерла на мгновение и пустилась вбок, прямо через болото, прыгая с коряги на корягу - только брызги летели. У Атоса замерло сердце.

- Стой! - заорал он, задыхаясь. - С ума сошла! Стой!

Нава тотчас же остановилась, ухватившись за свисающую лиану, и повернулась к нему. А он увидел, как из-за поворота ему навстречу вышли еще трое воров и тоже остановились, глядя то на него, то на Наву.

- Молчун! - пронзительно закричала Нава. - Ты их бей и сюда беги, здесь тропинка есть, я давно про нее знаю! А ты их бей, бей, палкой бей! Гу-гу-гу! О-го-го их!

- Ты там держись, - сказал один из воров заботливо, - ты там не кричи, а держись, а то свалишься, тащи тебя потом…

Сзади тяжело затопали и тоже закричали: “Гу-гу-гу!” Трое впереди ждали. Атос, ухватив дубину за концы и выставив ее перед собой поперек груди, налетел на них, повалил всех троих и упал сам. Он сильно ушибся, но сейчас же вскочил. Перед глазами плыли разноцветные круги, кто-то снова испуганно вопил: “Тону!”, кто-то сунулся бородатым лицом, и Атос ударил его дубиной, не глядя. Дубина переломилась. Атос бросил ее и прыгнул в болото.

Коряга ушла из-под ног, он едва не сорвался, но сейчас же перепрыгнул на следующую и пошел прыгать с коряги на корягу, разбрызгивая вонючую черную грязь. Нава победно верещала и свистела ему навстречу. Позади гудели сердитые голоса. “Что же вы, руки дырявые?” “А “сам что?” “Упустили девчонку, пропадет…” “Да обезумел человек, дерется!..” “Хватит вам разговоры разговаривать, в самом деле! Догонять нужно, а не разговоры разговаривать! Видите, они бегут, а вы разговоры разговариваете!” “А сам что?” “Ногу мне он подбил, видите”, “А Семиглазый где? Ребята а Семиглазый-то тонет! Семиглазый то нет, а они разговоры разговаривают!” Атос остановился возле Навы, ухватился за лианы и, тяжело дыша, смотрел и слушал, как странные люди, сгрудившись на тропе, размахивая руками, тащат из болота за ноги своего

Семиглазого. Слышалось бульканье и храп. Впрочем, двое во ров, подхватив дубинки, уже шли к Атосу прямо по болоту по колено в черной жиже. И опять наврали, подумал Атос, болото-то вброд можно перейти, а говорили, что другого пути, кроме тропы, нет. Нава потянула его за руку.

- Пошли, Молчун, - сказала она, - чего ты стоишь? Пошли скорей. А может быть, ты еще хочешь подраться? Тогда погоди, я тебе палку поищу. Ты вот этих двух побей, а другие, может быть, и испугаются. Хотя, если они не испугаются, то они тебя все-таки одолеют, потому что ты один, а их… раз, два, три… четыре…

- Иди вперед, - сказал Атос. Он уже немного отдышался. - Показывай, куда идти.

Нава легко запрыгала в лес, в гущу лиан.

- А я вообще-то не знаю, куда эта тропинка ведет, - говорила она на бегу. - Мы тут с Колченогом ходили, когда тебя еще не было… или нет, был уже, только ты тогда еще без памяти ходил, ничего не соображал, говорить не мог, смотрел, как рыба, потом меня к тебе приставили ходить за тобой, я тебя и выходила, да только ты не помнишь, наверное, ничего…

Атос прыгал следом, стараясь держать правильное дыхание и ступать след в след. Время от времени он оглядывался. Воры были недалеко.

- А с Колченогом мы сюда ходили, когда у Кулака его дочку воры увели, он тогда все время меня с собой брал, обменять хотел, что ли, а может, хотел взять вместо дочки, вот и брал меня в лес, потому что очень без дочки убивался…

Лианы липли к рукам и хлестали по лицу, омертвевшие клубки их путались в ногах. Сверху сыпался мусор, иногда какие-то тяжелые бесформенные массы оседали, проваливались вниз в путанице зелени и раскачивались над самой головой. То справа, то слева сквозь завесу лиан просвечивали клейкие лиловые гроздья - Атос опасливо на них косился.

- Колченог говорил, что эта тропа к какой-то деревне ведет, - Нава говорила на бегу легко, как будто и не бежала вовсе, а валялась на своей постели, сразу было видно, что она не здешняя, здешние бегать не умели, - не к нашей деревне и не к Новой деревне, а к какой-то другой, название

Колченог говорил, но я забыла, все-таки это давно было, тебя еще не было… или нет, ты был уже, только ничего не соображал, еще тебя мне не отдали… А ты, когда бежишь, ты ртом дыши, ты зря носом дышишь, и разговаривать еще хорошо при этом, а то так ты скоро запыхаешься, тут еще долго бежать, мы еще мимо ос не пробегали, вот где нам быстро бежать придется, хотя, может быть, с тех пор осы оттуда ушли… Это в той деревне осы были, а в той деревне, Колченог говорит, вроде бы людей уже давно нет, там уже Одержание, говорит, произошло, так что людей совсем не осталось… Нет, Молчун, это я вру, это он про другую деревню говорил…

Атос перешел на второе дыхание. Бежать стало легче. Теперь они были в самой гуще леса. Так глубоко Атос забирался только один раз, когда попытался оседлать мертвяка, чтобы добраться на нем до его хозяев, мертвяк понес галопом, он был раскаленный, как кипящий чайник, и Атос в конце концов потерял сознание от боли и сорвался с него. Он долго потом мучился ожогами на ладонях и на груди…

Становилось все темнее. Неба уже не было видно совсем, духота усиливалась. Зато становилось все меньше открытой воды, появились могучие заросли красного и белого мха. Мох был мягкий, прохладный и сильно пружинил, и ступать по нему было приятно.

- Давай отдохнем, - сказал Атос, задыхаясь.

- Нет, что ты, Молчун, - сказала Нава, - здесь нам отдыхать нельзя. От этого мха надо скорее подальше, это мох опасный, Колченог говорил, что это и не мох вовсе, это животное такое лежит, вроде паука, ты на нем заснешь и больше уже не проснешься, вот какой это мох, пусть на нем воры отдыхают, только они, наверное, знают, что нельзя, а то было бы хорошо…

Она посмотрела на Атоса и все-таки перешла на шаг. Атос дотащился до ближайшего дерева, прислонился к нему спиной, затылком, всей тяжестью и закрыл глаза. Очень хотелось сесть, но он боялся. Сердце билось, как бешеное, и тряслись ноги, а легкие лопались и растекались в груди. И весь мир был скользкий и соленый от пота.

- А если нас догонят? - услыхал он, словно сквозь вату, голос Навы. - Что

мы будем делать, Молчун, если нас догонят? Что-то ты совсем никуда не годным стал, ты ведь, наверное, драться больше не сможешь, а?

Он хотел сказать: “Смогу”, но не сказал. Воров он больше не боялся. Он вообще больше ничего не боялся. Он боялся только пошевелиться и боялся сесть. Все-таки это был лес, это-то он помнил.

- Вот у тебя даже и дубины теперь нет, - говорила Нава. - Поискать, что ли, тебе дубину, Молчун? Поискать?

- Нет, - пробормотал он. - Не надо.

Он открыл глаза. Воры были близко. Слышно было, как они пыхтят и топают в зарослях. В топоте этом не чувствовалось никакой бойкости. Ворам тоже было тяжко.

- Пошли, - сказал Атос.

Они миновали новую полосу опасного мха, снова началось мокрое болото с неподвижной черной водой, на которой пластались исполинские бледные цветы с неприятным запахом, а из каждого цветка выглядывало мохнатое многоногое животное и провожало их глазами на стебельках.

- Ты, Молчун, шлепай посильнее, - советовала Нава, - а то присосется кто-нибудь, потом не оторвешь, ты не думай, что раз тебе прививку сделали, то не присосется. Потом, конечно, сдохнет, но тебе-то от этого не легче…

Болото неожиданно кончилось, и местность стала повышаться. Появилась высокая трава с режущими, как у осоки, краями. Атос оглянулся и увидел воров. Почему-то они стояли по колено в болоте, опираясь на дубины, и глядели на него. Выдохлись, подумал Атос. Тоже выдохлись. Один из воров поднял руку, сделал приглашающий жест и крикнул:

- Давайте, спускайтесь!

Атос повернулся и пошел вслед за Навой. После болота идти по твердой земле казалось совсем легко, даже в гору. Воры что-то кричали - в два, а потом в три голоса. Атос оглянулся в последний раз. Воры по-прежнему стояли в болоте, они стояли в воде и даже не вышли на сухое мест. Увидев,

что он оглянулся, они отчаянно замахали руками и заорали снова. До Атоса донеслось:

- Наза-ад!.. Не тро-онем!.. Пропадете, дураки-и!..

Не так просто, подумал Атос со злорадством. Это вам не на Земле, здесь не верят. Нава уже скрылась за деревьями, и он поспешил за нею.

- Назад идите-е!.. Отпу-устим!.. - ревел вожак. Не очень-то они выдохлись, если так орут, мельком подумал Атос.

Деревня была очень странная. Когда они вышли из леса, перед ними открылась обширная поляна, словно выжженная и вытоптанная, без единого куста, без единой травинки. Большая глиняная проплешина, отгороженная от неба сросшимися кронами могучих деревьев. Поляна была треугольная, и деревня тоже была треугольная.

- Не нравится мне эта деревня, - сказала Нава, - здесь, наверное, еды не допросишься. Смотри, поля у них нет, наверное, это охотники, они всяких животных ловят и едят, тошнит даже, как подумаешь…

- Надо же где-нибудь переночевать, - сказал Атос. - Да и дорогу спросить надо.

Они шли через лес весь день, и даже Нава устала и все чаще висла на руке Атоса. Издали их поразило, что на улицах не было видно ни одного человека, но когда они подошли к первому домику, стоявшему несколько на отшибе, их окликнули. Атос не сразу нашел - кто. Рядом с домом на серой земле сидел серый, почти не одетый человек. Уже наступали сумерки, и трудно было разглядеть как следует его лицо.

- Вы куда? - спросил человек слабым голосом.

- Нам нужно переночевать, - сказал Атос. - А утром нам нужно в Новую деревню.

- Это вы, значит, сами пришли, - сказал человек вяло. - Это вы хорошо сделали. Вы заходите, а то работы много, а людей что-то совсем мало

осталось. - Он еле выговаривал слова, словно засыпал. - А работать нужно, нужно, нужно…

- Ты нас не накормишь? - спросил Атос.

- Нам сейчас нужно… - человек произнес несколько слов, которые Атос никогда не слыхал раньше. - Это хорошо, что мальчик пришел, он подойдет для… - и он опять произнес странные, непонятные слова.

Нава потянула Атоса за рукав. Атос с досадой выдернул руку.

- Я тебя не понимаю, - сказал он человеку. - Ты мне скажи, еда у тебя найдется?

- Вот если бы трое… - сказал человек.

Нава потащила Атоса прочь изо всех сил. Они отошли в сторону.

- Больной он, что ли? - сказал Атос. - Ты поняла, что он говорил?

- У него же нет лица, - шепотом сказала Нава. - Что ты с ним разговариваешь? Как с ним можно говорить, когда у него нет лица?

- Почему нет лица? - удивился Атос и оглянулся. Человека видно не было: то ли он ушел, то ли растворился в сумерках.

- А так, - сказала Нава. - Глаза есть, рот есть, а лица нету… - Она вдруг прижалась к нему. - Он как мертвяк, - сказала она. - Только он не мертвяк, от него пахнет, но весь он как мертвяк… Пойдем в какой-нибудь другом дом, только еды мы здесь не достанем, ты не надейся.

Она подтащила его к следующему дому, и они заглянули внутрь, но в доме никого не оказалось. Все в этом доме было непривычное: и не было постелей, и не было запахов еды. Нава понюхала воздух.

- Здесь вообще никогда не было еды, - сказала она с отвращением. - В какую-то ты меня глупую деревню привел, Молчун. Что мы здесь будем делать? Я таких деревень никогда в жизни не видела. И дети здесь не кричат, и на улице никого нет…

На сумеречной улице действительно никого не было, и стояла мертвая тишина. Даже в лесу не ухало и не булькало, как обычно по вечерам.

- Так ты ничего не поняла, что он говорил? - спросил Атос. - Странно он как-то говорил, я вот сейчас вспоминаю, и словно я слышал уже когда-то такую речь… А когда, где - не помню…

- И я тоже не помню, - сказала Нава, помолчав. - А ведь верно, Молчун, я тоже слыхала такие слова, может быть, во сне, а может быть, в нашей деревне, не в той, где мы живем, а в другой, где я родилась, только тогда это, должно быть, очень давно, потому что тогда я была еще очень маленькая и с тех нор все позабыла, а сейчас как будто бы и вспомнила, но никак не могу вспомнить…

В следующем доме они увидели человека, который лежал прямо на полу и спал. Атос нагнулся над ним, потряс его за плечо, но человек не проснулся. Кожа у него была сухая и горячая, а мускулов почти не было.

- Спит, - сказал Атос, поворачиваясь к Наве.

- Как же спит? - сказала Нава. - Когда он смотрит…

Атос снова нагнулся над человеком. Ему показалось, что тот действительно смотрит. Но только показалось.

- Да нет, спит он, - сказал Атос. - Пойдем.

Против обыкновения Нава промолчала. Они дошли до середины деревни, заглядывая в каждый дом, и в каждом доме они видели спящих. Все спящие были мужчины. Не было ни одной женщины, ни одного ребенка. Нава совсем замолчала. Атосу тоже было не по себе. Спящие не просыпались, но почти каждый раз, когда Атос оглядывался на них, выходя на улицу, ему казалось, что они провожают его короткими осторожными взглядами. Стало совсем темно. Атос чувствовал, что устал до последней степени, до полного безразличия. Ему хотелось сейчас только одного: прилечь где-нибудь под крышей (чтобы не свалилась на сонного сверху какая-нибудь гадость), пусть прямо на жестком утоптанном полу, но лучше все-таки в пустом доме, а не с этими подозрительными спящими. Нава совсем повисла на руке.

- Ты не бойся, - сказал Атос. - Бояться здесь совершенно нечего.

- Что ты говоришь? - спросила она сонным голосом.

- Я говорю, не бойся. Они тут все полумертвые, я их одной рукой раскидаю.

- Никого я не боюсь, - сказала Нава сердито. - Я устала и хочу спать, раз уж ты есть не даешь. А ты все ходишь и ходишь из дома в дом, из дома в дом, надоело даже, ведь во всех домах все одинаково. Все люди лежат, а мы с тобой бродим.

Тогда Атос поискал глазами и зашел в первый попавшийся дом. Там было абсолютно темно. Атос прислушался, пытаясь понять, есть здесь кто-нибудь или нет, но слышал только сопение Навы, уткнувшейся лбом ему в бок. Он ощупью нашел стену, пошарил руками, сухо ли на полу, и лег, положив голову Навы себе на живот, Нава уже спала. Завтра… пораньше встать… обратно через лес на тропу… воры, конечно, ушли… а если и не ушли… как там работа в Новой деревне… неужели опять послезавтра?.. Нет уж, завтра… завтра…

Он проснулся от света и подумал, что взошла Луна. В доме было темно, лиловатый свет падал в окно и в - дверь. Ему стало интересно, как это свет Луны может падать и в окно, и в дверь напротив, потом он догадался, что он на Пандоре, и настоящей Луны здесь быть не может, и тут же забыл об этом, потому что в полосе света, падающего из окна, появился силуэт человека. Человек стоял здесь, в доме, спиной к нему и глядел в окно, и по силуэту видно было, что он стоит, заложив руки за спину и нагнув голову, как любил стоять у окна во время дождей и туманов Карл, и он отчетливо понял, что это и есть Карл, который когда-то отлучился с Базы в лес и не вернулся. Он задохнулся от волнения и крикнул: “Карл!” Карл медленно повернулся, лиловый свет от окна прошел по его лицу, и Атос увидел, что это не Карл, а какой-то незнакомый местный человек, он неслышно подошел к Атосу и нагнулся над ним, не размыкая рук за спиной, и лицо его стало видно совершенно отчетливо, изможденное безбородое лицо, решительно ничем не похожее на лицо Карла. Он не произнес ни слова, выпрямился и пошел к двери, по-прежнему сутулясь, и когда он перешагивал через порог, Атос понял, что это все-таки Карл, вскочил и выбежал за ним следом.

За дверью он остановился и оглядел улицу. Было очень светло, потому что низко над деревней висело лиловое светящееся небо. Наискосок, на другой стороне улицы, возвышалось плоское, диковинное строение, и возле него толпились люди. Человек, похожий на Карла, шел к этому строению, он подошел к этим людям и смешался с толпой. Он тоже хотел подойти к строению, но почувствовал, что ноги у него как ватные и он совсем не может идти. Он удивился, как это он еще может стоять на таких ногах; боясь упасть, он хотел ухватиться за что-нибудь, но было не за что, его окружала пустота. Раздался крик, громкий откровенный крик боли, так что зазвенело в ушах, и почему-то он сразу понял, что кричат в этом плоском здании, может быть, потому, что больше кричать было негде. И почти тотчас же он сам ощутил острый укол в спину. Он обернулся и увидел Наву, которая, откинув голову, медленно падала навзничь, и он подхватил ее и поднял, не понимая, что с ней происходит и ощущая страшное желание узнать, что же с ней происходит. Голова ее была откинута, и ее открытое горло было перед его глазами, то место, где у всех землян ямочка между ключицами, а у Навы было две таких ямочки, и у всех местных людей было две таких ямочки, но ведь это чрезвычайно важно узнать, почему у них две. Он заметил, что крик не прекратился, и понял, что ему нужно туда, где кричат. Что же им дают две ямочки? В чем целесообразность? Крик продолжался. Может быть, в этом все дело, почему об этом никто не подумал, надо было подумать об этом гораздо раньше, и тогда все было бы по-другому…

Крик оборвался. Атос увидел, что стоит уже перед самым зданием, среди этих людей, перед квадратной черной дверью, и он попытался понять, что он здесь делает с Навой на руках, но не успел, потому что из черной квадратной двери вышли Карл и Валентин, угрюмые и раздраженные, и остановились, разговаривая. Он видел, как шевелятся их губы, и догадывался, что они спорят, что они недовольны, но он не понимал слов, только один раз он уловил полузнакомое слово “хиазма”. И тут он вспомнил, что Карл-то пропал без вести, а Валентина нашли через месяц после аварии и похоронили. Ему стало невыносимо жутко, и он попятился, толкая кого-то спиной, и даже когда он увидел, что никакой это не Карл, и никакой это не Валентин, страх его не уменьшился, он продолжал пятиться, и вдруг кто-то рядом сказал ему: “Куда же ты с ним? Иди прямо, вот же дверь, дверей не видишь, что ли?” Тогда он повернулся, вскинул Наву на плечо и двинулся по пустой освещенной улице, как во сне, на мягких подгибающихся ногах, только не слыша за собой топота

преследователей.

Он опомнился, ударившись о дерево. Нава вскрикнула, и он опустил ее на землю. Под ногами была трава.

Отсюда была видна вся деревня. Над деревней лиловым светящимся конусом стоял туман, и дома казались размытыми, и размытыми казались фигурки людей.

- Что-то я ничего не помню, - проговорила Нава. - Почему мы здесь? Мы ведь уже спать легли. Или это мне все снится?

Атос поднял ее и понес дальше, дальше, дальше, пока вокруг не стало совсем темно. Тогда он прошел еще немного, снова опустил Наву на землю и сел возле нее. Вокруг была высокая теплая трава. Сырости совсем не чувствовалось, никогда еще в лесу Атосу не попадалось такого сухого благодатного места. Голова у него болела, все время клонило в сон, не хотелось ни о чем думать, было только чувство огромного облегчения от того, что он собирался сделать что-то ужасное и не сделал.

- Молчун, - сказала Нава сонным голосом, - ты знаешь, Молчун, я все-таки вспомнила, где я слышала такую речь. Это ты так сам говорил, Молчун. Когда еще был без памяти. Слушай, Молчун, а может, ты из этой деревни родом? Может, ты просто забыл? Ты ведь очень больной был тогда, Молчун, совсем без памяти…

- Спи, - сказал Атос. Ему не хотелось думать. Ни о чем не хотелось думать. “Хиазма”, - вспомнил он.

5

Дирижабль, рискованно низко ныряя над лесом в крутящихся под ветром тучах, сбросил вездеход в полукилометре от того места, где были замечены сигнальные ракеты Сартакова.

Леонид Андреевич ощутил легкий толчок, когда включились парашюты,

и через несколько секунд второй, более сильный толчок, почти удар, когда вездеход, сокрушая деревья, рухнул в лес. Алик Кутнов отстрелил парашюты, включил для пробы двигатели и доложил: “Готов”. Поль скомандовал: “Бери пеленг и - вперед”.

Леонид Андреевич косился на них с некоторой завистью. Оба они работали, оба были заняты, и видно было, что им обоим нравится все это - и рискованный прыжок с малой высоты, и колодец в лесной зелени, получившийся в месте падения танка, и гул двигателей, и вообще все положение, когда не надо больше чего-то ожидать, когда все уже произошло и мысли не разбредаются, как веселая компания на пикнике, а строго подчинены ясной и определенной цели. Так, вероятно, чувствовали себя старинные полководцы, когда затерявшийся было противник вдруг обнаруживался, намерения его определялись, и можно в своих действиях опереться наконец на хорошо знакомые положения приказов и уставов. Леонид Андреевич подозревал также, что они втихомолку даже радуются происшествию как случаю продемонстрировать свою готовность, свое умение, свою опытность. Радуются постольку, конечно, поскольку все пока были живы и никому ничего особенного не угрожало. Сам же Леонид Андреевич, если отвлечься от мимолетного ощущения зависти, ждал встречи с неизвестным, надеялся на эту встречу и боялся ее.

Вездеход медленно и осторожно двигался на пеленг. При его приближении растительность мгновенно теряла влагу, и все: стволы деревьев, ветви, листья, лианы, цветы, грибы - рассыпалось в труху, смешивалось с болотным илом и тут же смерзалось, стеля под гусеницы звонкую ледяную броню. “Вас видим!” - сказал голос Сартакова из репродуктора, и Алик сейчас же затормозил. Туча трухи медленно оседала.

Леонид Андреевич, поспешно отстегивая предохранительные ремни, водил глазами по обзорному экрану. Он не знал, что он должен увидеть. Что-то похожее на кисель, от которого тошнит. Что-то необычное, что нельзя описать. А вокруг шевелился лес, трепетал и корчился лес, менял окраску, переливаясь и вспыхивая, обманывая зрение, наплывая и отступая, издевался, пугал и глумился лес, и он весь был необычен, и его нельзя было описать, и от не, о тошнило. Но самым необычным, самым невозможным, самым невообразимым в этом лесу были люди, и поэтому прежде всего Леонид Андреевич увидел их. Они шли к вездеходу, тонкие и ловкие, уверенные и изящные, они шли легко, не оступаясь, мгновенно и

точно выбирая место, куда ступить, и они делали вид, что не замечают леса, что в лесу они, как дома, что лес уже принадлежит им, они даже, наверное, не делали вид, они действительно думали так, а лес висел над ними, беззвучно смеясь и указывая мириадами глумливых пальцев, ловко притворяясь и знакомым, и покорным, и простым - своим. Пока.

Рита Сергеевна и Сартаков вскарабкались на гусеницу, и все вышли им навстречу.

- Что же это ты так неловко? - сказал Поль Сартакову.

- Неловко? - сказал Сартаков. - Ты посмотри! Видишь?

- Что?

- То-то, - сказал Сартаков. - А теперь присмотрись…

- Здравствуйте, Леонид Андреевич, - сказала Рита Сергеевна. - Вы сообщили Тойво, что все в порядке?

- Тойво ничего не знает, - ответил Леонид Андреевич. - Вы не беспокойтесь, Рита. А вы как себя чувствуете? Что у вас случилось?

- Да ты не туда смотришь, - нетерпеливо говорил Сартаков. - Да вы, кажется, ослепли все…

- А! - закричал Алик, указывая пальцем. - Вижу! Уж ты…

- Да-а… - тихо и напряженно произнес Поль.

И тогда Леонид Андреевич тоже увидел. Это появилось как изображение на фотобумаге, как фигурка на детской загадочной картинке “Куда спрятался зайчик?” - и, однажды разглядев это, больше невозможно было потерять его из виду. Оно было совсем рядом, оно начиналось в нескольких шагах от широких гусениц вездехода.

Огромный живой столб поднимался к кронам деревьев, сноп тончайших прозрачных нитей, липких, блестящих, извивающихся и напряженных; пронизывающий плотную листву и уходящий выше, в облака. Он зарождался в клоаке, в жирной клокочущей клоаке, заполненной

протоплазмой, живой, активной, вспухающей пузырями, примитивной плотью, хлопотливо организующей и тут же разлагающей себя, изливающей продукты разложения на плоские берега, плюющейся клейкой пеной… И сразу из шума леса выделился голос клоаки, словно включились невидимые звукофильтры: клокотание, плеск всхлипывания, булькание, протяжные болотные стоны, и надвинулась тяжелая стена запахов: сырого сочащегося мяса, сукровицы, свежей желчи, сыворотки, горячего клейстера, и только тогда Леонид Андреевич заметил, что Рита и Сартаков были в кислородных масках, и увидел, как Алик и Поль, брезгливо кривясь, поднимают к лицу намордники респираторов, но сам он не стал надевать респиратор, он словно бы надеялся, что хоть запахи расскажут ему то, чего не рассказали ни глаза, ни уши…

- Какая жуть… - сказал Алик с отвращением. - Что это такое, Вадим?

- Откуда я знаю? - сказал Сартаков. - Может быть, какое-нибудь растение…

- Животное, - сказала Рита Сергеевна. - Животное, а не растение… Оно питается растениями.

Вокруг клоаки, заботливо склоняясь над нею, трепетали деревья, их ветви были повернуты в одну сторону и никли к бурлящей массе, и по ветвям струились и падали в клоаку толстые мохнатые лианы, и клоака принимала их в себя, а протоплазма обглаживала их и превращала в себя, как она могла растворить и сделать своею плотно все, что окружало ее…

- Нет, - говорил Сартаков. - Оно не движется. Оно даже не становится больше, не растет. Сначала мне показалось, что оно разливается и подбирается к нашему дереву, но это было просто от страха. Или это дерево подбиралось к нему…

- Не знаю, - говорила Рита. - Я вела вертолет и ничего не заметила. Скорее всего мы налетели на этот… столб, винты запутались в слизи, хорошо что мы шли низко и на самой маленькой скорости, мы боялись грозы и искали место отсидеться…

- Если бы только растения! - говорил Сартаков. - Мы видели, как туда падают животные, их словно тянет туда что-то, они с визгом сползают по ветвям и бросаются туда, и растворяются - сразу, без остатка.

- Нет, это конечно, чистая случайность, - говорила Рита. - Нам сначала не повезло, потом повезло. Вертолет буквально сел в крону и даже не перевернулся, и даже дверцу не заклинило, так что, по-моему, корпус цел, полетели только лопасти винтов…

- Ни минуты покоя, - говорил Сартаков. - Оно бурлит непрерывно, как сейчас, но это еще не самое интересное. Подождем еще несколько минут, и вы увидите самое интересное…

И когда прошли эти несколько минут, Сартаков сказал: “Вот оно!”

Клоака рожала. На ее плоские берега нетерпеливыми судорожными толчками один за другим стали извергаться обрубки белесого, зыбко вздрагивающего теста, они беспомощно и слепо катились по земле, потом замирали, сплющивались, вытягивали осторожные ложноножки и вдруг начинали двигаться осмысленно, еще суетливо, еще тычась, но уже в одном направлении, все в одном определенном направлении, расходясь и сталкиваясь, но все в одном направлении, по одному радиусу от клоаки, в заросли, прочь, одной текучей белесой колонной, как исполинские мешковатые слизнеподобные муравьи.

- Оно выбрасывает их каждые полтора часа, - говорил Сартаков, - по десять, двадцать, по тридцать штук… С удивительной правильностью, каждые восемьдесят семь минут…

- Нет, не обязательно туда, - говорила Рита. - Иногда они уходят в том направлении, а иногда вон туда, мимо нашего дерева. Но чаще всего они действительно ползут так, как сейчас… Поль, давайте посмотрим, куда они ползут, вряд ли это далеко, они слишком беспомощны…

- Может быть, и семена, - говорил Сартаков, - а может быть, и щенки, откуда мне знать, может быть, это маленькие тахорги. Ведь никто и никогда еще не видел маленьких тахоргов. Хорошо бы проследить и посмотреть, что с ними делается дальше. Как ты думаешь, Поль?

Да, хорошо бы. Почему бы и нет? Раз уж мы здесь, то почему бы и нет? Мы могли бы ехать рядом и быть настороже. Все возможно, пока еще возможно все, возможно, это лишний нарост на маске, загадочный и бессмысленный, а, может быть, именно здесь маска приоткрылась, но лицо под нею такое незнакомое, что тоже кажется маской, и как хорошо было

бы, если бы это оказались семена или маленькие тахорги…

- А почему бы и нет? - сказал Поль решительно. - Давайте! По крайней мере я буду знать, в чем будут копаться наши биологи. Пошли в рубку, надо сообщить Шестопалу, пусть дирижабль следует за нами…

Они спустились в рубку, Поль связался с дирижаблем, а Алик стал разворачивать вездеход. “Хорошо, - говорил Шестопал. - Будет исполнено. А что там внизу? Там какой-нибудь гейзер? Я все время натыкаюсь на что-то мягкое и ничего не вижу, очень неприятно, и стекла в кабине залепило какой-то слизью…” Алик делал поворот на одной гусенице и валил кормой деревья. “Ай! - вдруг сказала Рита. - Вертолет!” Алик затормозил, и все посмотрели на вертолет. Вертолет медленно падал, цепляясь за распростертые ветви, скользя по ним, переворачиваясь, цепляясь изуродованными винтами, увлекая за собой тучи листьев. Он упал в клоаку. Все разом встали. Леониду Андреевичу показалось, что протоплазма прогнулась под вертолетом, словно смягчая удар, мягко и беззвучно пропустила его в себя и сомкнулась над ним. “Да, - сказал Сартаков с неудовольствием. - Глупость какая, вся недельная добыча…” Клоака стала пастью, сосущей, пробующей, наслаждающейся. Она катала в себе вертолет, как человек катает языком от щеки к щеке большой леденец. Вертолет крутило в пенящейся массе, он исчезал, появлялся вновь, беспомощно взмахивая остатками винтов, и с каждым появлением его становилось все меньше, органическая обшивка истончалась, делалась прозрачной, как тонкая бумага, и уже смутно мелькали сквозь нее каркасы двигателей и рамы приборов, а потом обшивка расползлась, вертолет исчез в последний раз и больше не появился. Леонид Андреевич посмотрел на Риту. Она была бледна, руки ее были стиснуты. Сартаков откашлялся и сказал: “Честно говоря, я не предполагал… Должен тебе сказать, директор, я вел себя довольно опрометчиво, но я никак не предполагал…”

- Вперед, - сухо сказал Поль Алику.

”Щенков” было сорок три. Они медленно, но неутомимо двигались колонной один за другим, словно текли по земле, переливаясь через стволы сгнивших деревьев, через рытвины, по лужам стоячей воды, в высокой траве, сквозь колючие кустарники. И они оставались белыми, чистыми, ни

одна соринка не приставала к ним, ни одна колючка не поранила их, и их не пачкала черная болотная грязь. Они лились с тупой бездумной уверенностью, как будто по давно знакомой привычной дороге.

Алик, с величайшей осторожностью выключив все агрегаты внешнего воздействия, шел параллельно колонне, стараясь не слишком приближаться к ней, но и не терять ее из виду. Скорость была ничтожная, едва ли не меньше скорости пешехода, и это длилось долго. Через каждые полчаса Поль выбрасывал сигнальную ракету, и скучный голос Шестопала сообщал в репродукторе: "Ракету вижу, вас не вижу". Иногда он добавлял: "Меня сносит ветром. А вас?" Это была его личная традиционная шутка.

Время от времени Сартаков (с разрешения Поля) выбирался из рубки, соскакивал на землю и шел рядом с одним из "щенков". "Щенки" не обращали на него никакого внимания: видимо, они даже не подозревали, что он существует. Потом (опять-таки с разрешения Поля) рядом со "щенками" прошлись по очереди Рита Сергеевна и Леонид Андреевич. От "щенков" резко и неприятно пахло, белая оболочка их казалась прозрачной, и под нею волнами двигались какие-то тени. Алик тоже попросился к "щенкам", но Поль его не отпустил и сам не пошел, может быть, желая таким образом выразить свое неудовольствие просьбами экипажа.

Возвратившись из очередной прогулки, Сартаков предложил изловить одного "щенка". "Ничего нет легче, - сказал он. - Опростаем контейнер с водой, накроем одного и оттащим в сторону. Все равно когда-нибудь придется ловить". "Не разрешаю, - сказал Поль. - Во-первых, он сдохнет. А во-вторых, я ничего не разрешу до тех пор, пока не станет все ясно". "Что именно - все?" - спросил агрессивно Сартаков. "Все", - сказал Поль. "Что это такое, почему, зачем? А заодно - в чем смысл жизни", - сказал агрессивно Сартаков. "По-моему, это просто разновидность живого существа", - сказал Алик, который очень не любил ссор. "Слишком сложно для живого существа, - сказала Рита. - Я имею в виду, что слишком сложно для таких больших размеров. Трудно себе представить, что это может быть за живое существо" "Это вам трудно представить, - сказал Алик добродушно. - Или мне, например. А вот, скажем, ваш Тойво может все это представить без малейшего труда, ему это проще, чем для меня - завести двигатель. Раз - и представил. Величиной с дом". "Знаете, что это? - сказал успокоившийся Сартаков. - Это ловушка. Чья ловушка? Чья-то ловушка".

“Занимается ловлей вертолетов”, - сказал Поль. “А что же, - сказал Сартаков. - Сидоров попался три года назад, Карл еще раньше попался, а теперь вот мой вертолет”. “Разве Карл здесь сгинул?” - спросил Алик. “Это неважно, - сказал Сартаков. - Ловушек может быть много”. “Поль, - сказала Рита Сергеевна, - можно, я поговорю с Тойво?” “Можно, - сказал Поль, - сейчас я его вызову…”

Рита поговорила с Тойво. Сартаков еще раз вылез и походил рядом со “щенками”. Шестопал еще раз сообщил, что его сносит, и еще раз спросил, не сносит ли их. А потом они увидели, как строй “щенков” нарушился. Колонна разделилась. Леонид Андреевич считал: тридцать два “щенка” пошли прямо, а одиннадцать, построившись в такую же колонну, свернули налево, наперерез вездеходу. Алик продвинулся еще на несколько десятков метров и остановился.

- Слева озеро, - объявил он.

Слева между деревьями открылось озеро, ровная гладь неподвижной темной воды - совсем недалеко от вездехода. Леонид Андреевич увидел низкое туманное небо и смутные очертания дирижабля. Одиннадцать “щенков” уверенно направлялись к воде. Леонид Андреевич смотрел, как они переливаются через кривую корягу на самом берегу и один за другим тяжело плюхаются в озеро. По темной воде пошли маслянистые круги.

- Тонут! - сказал Сартаков с удивлением.

- Тогда уж - топятся, - сказал Алик. - Ну что, Поль, за ними? Или прямо?

Поль рассматривал карту.

- Как всегда, - сказал он. - Этого озера у нас на картах нет. Если карте больше двух лет, то она уже никуда не годится. - Он сложил карту и придвинул к себе перископ. - Пойдем прямо, - сказал он. - Только погоди немного.

Он медленно поворачивал перископ, а потом остановился и стал вглядываться. В кабине вдруг стало тихо. Все смотрели на него. Леонид Андреевич увидел, как его правая рука нашарила клавишу кинокамеры и несколько раз нажала на нее. Потом Поль обернулся и, моргая, посмотрел на Леонида Андреевича.

- Странно, - сказал он. - Может, вы взглянете? У того берега…

Леонид Андреевич подтянул перископ к себе. Он ничего не ожидал увидеть: это было бы слишком просто. И он ничего не увидел. Озерная гладь, далекий, заросший травою берег, губчатая кромка леса на фоне серого неба.

- А что вы там увидели? - спросил он, вглядываясь.

- Там была белая точка, - сказал Поль. - Мне показалось, что там, в воде, человек… Глупо, конечно.

Темная вода, кромка леса, серое небо.

- Будем считать, что это была русалка, - сказал Леонид Андреевич и отодвинулся от перископа.

6

Когда Атос проснулся, Нава еще спала. Она лежала на животе в углублении между двумя корнями, уткнувшись лицом в сгиб левой руки, а правую откинув в сторону, и Атос увидел в ее грязном полураскрытом кулаке тонкий металлический предмет. Сначала он не понял, что это такое, и только вдруг вспомнил странный полусон этой ночи, и свой страх, и свое облегчение оттого, что не произошло чего-то ужасного. А потом он вспомнил, что это за предмет, и даже название его вдруг всплыло в памяти. Это был скальпель. Он подождал немного, проверял соответствие формы предмета и звучания этого слова, сознавая вторым планом, что проверять здесь нечего, что все правильно, но совершенно невозможно, потому что скальпель, со своей формой и названием своим, чудовищно не соответствовал этому миру. Он разбудил Наву.

Девочка проснулась, сейчас же села и заговорила:

- Какое сухое место, никогда в жизни не думала, что бывают такие сухие места, и как здесь только трава растет, а, Молчун?.. - Она замолчала и

поднесла к глазам кулак со скальпелем. Секунду она глядела на скальпель, потом взвизгнула, отбросила его и вскочила на ноги, Скальпель вонзился в траву и встал торчком. Они смотрели на него, и обоим было страшно. - Что это такое, Молчун? - сказала наконец Нава шепотом. - Какая страшная вещь… Или это растение? Здесь все такое сухое, может быть, это растение?

- Почему - страшная? - спросил Атос.

- Еще бы не страшная, - сказала Нава. - Ты возьми его в руки… Попробуй, попробуй, возьми, тогда и будешь знать, почему страшная. Я сама не знаю, почему страшная…

Атос взял скальпель. Скальпель был еще теплый, а острый кончик его холодил, и осторожно ведя по скальпелю пальцем, можно было найти то место, где он перестает быть теплым и становится холодным.

- Где ты его взяла? - спросил Атос.

- Нигде я его не брала, - сказала Нава. - Он, наверно, сам залез ко мне в руку, пока я спала. Видишь, какой он холодный. Он, наверное, захотел согреться и залез мне в руку. Я никогда не видела таких… таких… я даже не знаю, как это назвать. Может быть, у него есть ножки, только он их спрятал? Какой он твердый?.. А может быть, мы еще спим с тобой, Молчун? - Она вдруг запнулась и посмотрела на Атоса. - А мы в деревне сегодня ночью были? Ведь были… Там еще был человек без лица, который думал, что я мальчик… И мы искали, где поспать… Да, а потом я проснулась, тебя не было, и я стала шарить рукой… Вот где он залез мне в кулак! - сказала она. - Только вот что удивительно, Молчун. Я совсем тогда его не боялась, даже наоборот… Он мне был для чего-то нужен…

- Все это был сон, - решительно сказал Атос. У него мурашки бежали по затылку. - Забудь, это был сон. Поищи лучше какой-нибудь еды. А эту штуку я закопаю.

- Для чего-то он мне был нужен… - повторила Нава. - Что-то я должна была сделать… - Она помотала головой. - Я не люблю таких снов, - сказала она. - Ничего не вспомнить. Ты поглубже его закопай, а то он выберется и снова заползет а деревню и кого-нибудь напугает… Ну, ты закапывай, а я пойду искать. - Она потянула носом воздух. - Где-то поблизости есть

ягоды. Удивительно, откуда в таком сухом месте ягоды?

Она легко и бесшумно побежала по траве. А Атос остался сидеть, держа на ладони скальпель. Он не стал его закапывать. Он обмотал лезвие пучком травы и сунул скальпель за пазуху. Теперь он вспомнил все. Но так и не мог понять, что было сном, а что было на самом деле.

Нава скоро вернулась и выгребла из-за пазухи целую груду ягод и несколько больших грибов.

- Там есть тропа, Молчун, - сказала она. - Давай мы с тобой не будем возвращаться в ту деревню, а пойдем по тропе. Обязательно куда-нибудь придем. Спросим там дорогу до Новой деревни, и все будет хорошо. А в эту деревню давай мы не будем возвращаться. Мне там сразу не понравилось. Правильно, что мы оттуда ушли. Нам туда и приходить не надо было, тебе же воры кричали, что не ходи, пропадешь, да ты никогда никого не слушаешься, вот мы из-за тебя чуть в беду и не попали… Что же ты не ешь? Грибы сытные, ягоды вкусные, я теперь вспоминаю, мама мне всегда говорила, что самые хорошие грибы растут там, где сухо, но тогда я не понимала, что это такое - сухо. Мама говорила, что раньше много где было сухо, поэтому она понимала, а я вот не понимала…

Атос попробовал гриб и съел его. Грибы действительно были хороши. И ягоды были хороши, и он почувствовал себя бодрее. В деревню возвращаться ему тоже не хотелось. Он попытался представить себе местность, как объяснил и рисовал ему прутиком на земле Колченог, и вспомнил, что Колченог говорил о дороге в Город, которая должна проходить где-то в этих местах. Очень хорошая дорога, говорил Колченог с сожалением, самая прямая дорога до Города, только не добраться до нее через болото-то, да и неизвестно, есть она сейчас или нет ее… Возможно, Навина тропа и была этой дорогой. Рискнуть стоило. Но сначала нужно было все-таки вернуться.

- Придется все-таки вернуться, Нава, - сказал он, когда они поели.

- Куда, в ту деревню? - Нава расстроилась. - Ну зачем ты это говоришь, Молчун? Чего мы в той деревне еще не видели? Вот за что я тебя не люблю, Молчун, так это что с тобой никак не договоришься по-человечески… Только что ведь решили, что больше возвращаться в ту

деревню не станем, а теперь ты опять заводишь разговор, чтобы вернуться.

- Придется вернуться, - повторил он. - Мне самому не хочется, Нава, но надо туда сходить. Может быть, нам объяснят там, как отсюда побыстрее попасть в Город… Ты не сердись, Нава, ведь мне самому не хочется…

- А раз не хочется, так зачем ходить?

Он не хотел и не мог объяснить ей - зачем. Он поднялся и, не оглядываясь, пошел в ту сторону, где должна была быть деревня. Нава догнала его и пошла рядом. Некоторое время она даже молчала, но, в конце концов, не выдержала.

- Только я с этими людьми разговаривать не буду, - заявила она. - Ты теперь с ними сам разговаривай. Сам туда идешь, сам и разговаривай. А не люблю иметь дело с человеком, если у него даже лица нет. От такого человека хорошего не жди. Мальчика от девочки отличить не может… У меня вот с утра голова болит. И я знаю, почему…

Они вышли на деревню неожиданно. Видимо, Атос взял слишком влево, и деревня открылась между деревьями справа от них. Все здесь изменилось, но Атос не сразу понял, в чем дело. Потом понял: деревня тонула. Треугольная поляна была залита черной водой, и вода прибывала на глазах, затопляя дома. Поляна вместе с деревней погружалась на дно озера. Атос беспомощно стоял и смотрел, как исчезают под водой окна, как оседают и разваливаются размокшие стены, как проваливаются крыши. И никто не выбегал из домов, никто не пытался добраться до берега, ни один человек не показался на поверхности воды. Пожалуй, самой удивительной характеристикой топографии Пандоры является необычайно быстрое перемещение фронта озер и болот… Перемещение фронта… На всех фронтах… Борьба… Скальпель… Но Валентин был мертв. Он был мертв уже по крайней мере две недели… Плавно прогнувшись, бесшумно канула в воду крыша плоского строения. Над черной водой пронесся словно легкий вздох, по спокойной поверхности побежала рябь. Все кончилось. Перед Атосом было обычное треугольное озеро.

- Все, - сказал Атос.

- Да, - сказала Нава. У нее был такой спокойный голос, что Атос невольно взглянул на нее. Она и в самом деле была совершенно спокойна.

Даже, кажется, довольна. - Это называется Одержание, - сказала она. Теперь здесь всегда будет озеро, а те, кто в домах, станут жить в этом озере. Вот почему у них не было лица, а я сразу и не поняла. Кто не хочет жить в озере, тот уходит. Я бы, например, ушла, но когда-нибудь все равно всем придется жить в озере. Может быть, это даже хорошо. Никто не рассказывал. Пойдем, - сказала она. - Пойдем на тропу.

Вначале тропа шла по удобным сухим местам, но спустя некоторое время она круто спустилась со склона холма и стала топкой полоской черной грязи. Чистый лес кончился, справа и слева опять потянулись болота, сделалось сыро и душно. Нава чувствовала себя здесь гораздо лучше. Она непрерывно говорила, и Атос понемногу успокаивался. В голове снова привычно зашумело, он двигался, словно в полусне, отдавшись случайным бессвязным мыслям, скорее даже не мыслям, а представлениям. В деревне все уже давно встали. Колченог ковыляет по главной улице и говорит всем встречным, что ушел Молчун и Наву с собой забрал, в Город, наверное, ушел, а Города никакого и нет. А может, и не в Город, может, в Тростники ушел, в Тростниках хорошо рыбу подманивать, сунул пальцы в воду, пошевелил, и вот она, рыба. Да только зачем ему рыба, если подумать, не ест Молчун рыбу, дурак, хотя, может, решил для Навы рыбу поймать, Нава рыбу ест, вот он ее и будет кормить рыбой, но только зачем он тогда все время про Город спрашивал? Нет, не в Тростники он пошел, и нужно ожидать, что не скоро вернется… А навстречу ему по главной улице идет Кулак и говорит всем встречным, что вот Молчун все ходил, уговаривал, пойдем, говорил, Кулак, в Город, послезавтра пойдем, целый год звал послезавтра в Город идти, а когда я еды наготовил невпроворот, что старуха ругается, тогда он без меня и без еды ушел… А ведь один уходил, уходил вот так без еды, дали ему в лоб, больше не уходит, и с едой не уходит, и без еды не уходит, так ему дали… А Хвост стоит рядом с завтракающим у него дома стариком и говорит ему: опять ты ешь и опять ты чужое ешь, ты не думай, мне не жалко, я только удивляюсь, как это в одного такого тощего старика столько горшков еды помещается, ты ешь, но ты мне скажи, может быть, ты все-таки не один у нас тут в деревне, может быть, вас трое или хотя бы двое, ведь на тебя смотреть опасно, как ты ешь, наешься, а потом говоришь, что нельзя…

Нава шла рядом, держась обеими руками за его руку, и рассказывала:

- Потом жил у нас в деревне один мужчина, которого звали Обида-Мученик. Ты его не помнишь, ты тогда без памяти был. А этот Обида-Мученик всегда на все обижался и спрашивал: почему? Почему днем светло, а ночью темно. Почему мертвяки женщин угоняют, а мужчин не угоняют. У него мертвяки двух жен украли, одну за другой. Первую еще до меня, а вторую уже при мне, так он все ходил и спрашивал, почему, спрашивал, они его не украли, а украли его жену. Нарочно целыми днями и ночами по лесу бродил, чтобы его тоже угнали и он бы своих жен нашел, но его так и не угнали, потому что мертвякам мужчины ни к чему, им женщины нужны, так уж у них заведено, и из-за какого-то Обиды-Мученика они порядков своих менять не стали… Еще спрашивал, почему нужно на поле работать, когда в лесу и без того еды вдоволь, поливай бродилом и ешь, староста ему говорит: не хочешь - не работай, никто тебя не принуждает, а тот все твердит, почему да почему… Или к Кулаку пристал. Почему, говорит, Верхняя деревня грибами заросла, а наша никак не зарастает? Кулак ему сначала спокойно объясняет: у Верхних Одержание произошло, а у нас еще нет, и весь вопрос. А тот спрашивает, а почему у нас Одержание не происходит так долго? Измотал он Кулака, закричал Кулак громко, на всю деревню, и побежал к старосте жаловаться, староста тоже рассердился, собрал деревню, и погнались они за Обидой-Мучеником, чтобы его наказать, да так и не поймали. К старику он тоже приставал много раз, старик даже к нему есть перестал ходить, а потом не выдержал и сказал: отстань ты, говорит, от меня, у меня из-за тебя пища в рот не лезет, откуда я знаю - почему? Город знает, почему. И все. Пошел Обида-Мученик в Город, да так больше и не возвращался…

Медленно проплывали справа и слева желто-зеленые пятна, глухо фукали созревшие дурман-грибы, разбрасывая веером рыжие фонтаны спор; с воем налетала заблудившаяся лесная оса, старалась ударить в глаз, и приходилось сотню шагов бежать, чтобы отвязаться: шумно и деловито мастерили свои постройки разноцветные подводные пауки, цепляясь за лианы; деревья-прыгуны приседали и корчились, готовясь к прыжку, но почувствовав людей, замирали, притворяясь обыкновенными деревьями; и не на чем было остановить взгляд, нечего было запоминать. Я не над чем было думать, потому что думать о Карле и Валентине, о прошлой ночи и потонувшей деревне означало бредить.

- Этот Обида-Мученик был добрый человек, это они с Колченогом нашли тебя за Тростниками, пошли в Муравейники, да как-то их занесло в

Тростники, и нашли они там тебя и притащили, вернее, тащил тебя Обида-Мученик, а Колченог только сзади шел да подбирал все, что из тебя вываливалось… Много он чего подобрал, а потом рассказывал, страшно ему стало, он все и выбросил. Такое, рассказывал, у нас никогда не росло и расти не может. А потом Обида-Мученик одежду твою с тебя снял, очень на тебе была странная одежда, никто не мог понять, где такое растет, так он эту одежду разрезал и рассадил, думал - вырастет. Но ничего не выросло, не взошло дате, и опять он стал ходить по деревне и спрашивать, почему, если любую одежду взять, разрезать и рассадить, то она вырастет, а твоя, Молчун, даже не взошла. К тебе он много приставал, но ты тогда без памяти был и только бормотал что-то и рукой заслонялся… Так он от тебя и отстал ни с чем. А потом еще многие за Тростники ходили: и Кулак, и Хвост, и сам староста ходил, надеялись еще одного такого найти. Нет, не нашли. Тогда меня к тебе и приставили. Выхаживай, говорят, выходишь - будет тебе муж, а что он чужой - так ты тоже вроде чужая. А я как в эту деревню попала? Захватили нас с матерью мертвяки. А ночь была без луны…

Местность опять стала повышаться, но сырости не убавилось, хотя лес и стал чище. Уже не видно было коряг, гнилых сучьев, завалов гниющих лиан. Пропала зелень, все вокруг сделалось желтым. Деревья стали стройнее, и болото стало какое-то необычное - чистое, без мха и без грязевых куч. Трава на обочинах стала мягче и сочнее, травинка к травинке, как будто их подбирали.

Нава остановилась на полуслове, потянула носом воздух и деловито сказала, оглядываясь:

- Куда бы здесь спрятаться?

- Кто-нибудь идет? - спросил Атос.

- Кого-то много, и я не знаю, кто это. Это не мертвяки, но лучше бы все-таки спрятаться… Можно, конечно, и не прятаться, все равно они уже близко, а спрятаться здесь негде. Давай на обочину встанем и посмотрим… - Она еще раз потянула носом. - Скверный какой-то запах, не то чтобы опасный, а лучше бы его не было… А ты, Молчун, неужели ничего не чуешь? Ведь так разит, будто от перепрелого бродила - горшок у тебя перед носом стоит, а в нем перепрелое бродило… Вон они! Э-э, маленькие,

не страшно, ты их сейчас прогонишь… Гу-гу-гу!

- Помолчи, - сказал Атос, всматриваясь.

Сначала ему показалось, что им навстречу по тропинке ползут белые черепахи. Потом он понял, что таких животных он еще не видел. Они были похожи на огромных непрозрачных амеб или на очень молодых древесных слизней, только у слизней не было ложноножек и слизни были все-таки побольше. Их было много, они ползли гуськом друг за дружкой, довольно быстро, ловко выбрасывая вперед ложноножки и переливаясь в них. Скоро они оказались совсем близко, и Атос тоже почувствовал резкий незнакомый запах и отступил с тропы на обочину, потянув за собой Наву. Слизни-амебы один за другим проползали мимо них, не обращая на них никакого внимания. Их оказалось всего двенадцать, и последнего, двенадцатого, Нава пнула пяткой. Слизень проворно поджал зад и задвигался быстрее. Нава пришла в восторг и кинулась было догнать и пнуть еще раз, но Атос ее удержал.

- Какие они потешные, - сказала Нава, - и как они ползут, будто люди идут по тропинке… И куда же это они интересно идут? Наверное, Молчун, они в ту деревню идут, они, наверное, оттуда, а теперь возвращаются и не знают, что в деревне уже Одержание произошло… Покрутятся возле воды и обратно пойдут. Куда же они, бедные, пойдут? Может, другую деревню искать? Эй! - закричала она. - Не ходите! Нет уже вашей деревни, одно озеро там!

- Помолчи, - сказал Атос. - Пойдем. Не понимают они твоего языка, не кричи зря.

Они пошли дальше. После слизняков тропинка казалась немножко скользкой. Атос поймал себя на том, что мысленно перебирает известных ему диких обитателей леса. Тахорги, псевдоцефалы, подобрахии, орнитозавры Циммера, орнитозавры Максвелла, трахеодонты… это только самые крупные, тяжелее пяти центнеров… рукоеды, волосатики, живохваты, кровососки, болотные прыгуны… Почти каждый выход в лес означал встречу с каким-нибудь новым животным - не только для чужака, но и для местного жителя. То же самое относилось и к растениям. И никого это не удивляло. Новые растения приносили из леса, новые растения совершенно неожиданно вырастали на поле - иногда из семян старых. Это

было в самой природе, и никто не искал этому объяснений. Возможно, новые животные тоже рождались от старых, давно известных. А может быть, они были стадиями метаморфоза - личинками, куколками, яйцами… Эти слизни-амебы, например, наверняка какие-нибудь зародыши…

- Скоро будет озеро, - сказала Нава. - Пойдем скорее, я хочу пить и есть. Может быть, ты рыбы для меня приманишь…

Они пошли быстрее. Начались тростники. Тропа вдруг раздвоилась, одна, по-видимому, шла к озеру, а другая круто свернула куда-то в сторону. Они оставили ее слева, - Нава заявила, что эта тропа ведет вверх. Тропа становилась все уже, потом превратилась в рытвину и заглохла в зарослях тростника. Нава остановилась.

- Знаешь, Молчун, - сказала она, - а может, мы не пойдем к этому озеру? Мне это озеро что-то не нравится. Что-то там не так. По-моему, это даже не озеро, чего-то там еще много, кроме воды.

- Но вода там есть? - спросил Атос. - Я пить хочу.

- Вода есть, - неохотно сказала Нава. - Но теплая. Плохая вода. Не чистая. Знаешь что, Молчун, ты здесь постой, а то больно шумно ты ходишь, ничего из-за тебя не слыхать, ты постой и подожди меня, а я тебя позову, крикну прыгуном. Знаешь, как прыгун кричит? Вот я прыгуном и крикну. А ты здесь постой или лучше даже посиди…

Она нырнула в тростники и исчезла… И тогда Атос обратил внимание на странную тишину, царившую здесь. Не было ни звона насекомых, ни бульканья и вздохов болота, ни криков лесного зверья. Сырой горячий воздух был неподвижен. Атос сел на траву, вырвал несколько травинок, растер между пальцами и неожиданно увидел, что земля здесь должна быть съедобна. Он выдрал пучок травы с землей и стал есть. Дерн хорошо утолял голод и жажду. Он был прохладен и солоноват на вкус. Потом из тростника бесшумно вынырнула Нава. Она присела рядом на корточки и тоже стала есть, быстро и аккуратно. Глаза у нее были круглые.

- Это хорошо, что мы здесь поели, - сказала она наконец. - Хочешь посмотреть, что это за озеро? А то я хочу посмотреть еще раз, но мне одной страшно. Это то самое озеро, про которое Колченог всегда рассказывает, только я думала, что он выдумывает или ему привиделось, а

это, оказывается, правда, хотя, может быть, мне тоже привиделось…

- Пойдем, посмотрим, - сказал Атос.

Озеро оказалось шагах в двухстах. Атос и Нава по пояс в воде спустились по тонкому дну и раздвинули тростники. Над водой толстым двухметровым слоем лежал белый туман. Вода была теплая, даже горячая, но чистая и прозрачная. Туман медленно колыхался в правильном ритме, и через минуту Атосу стало казаться, что он слышит какую-то мелодию. В тумане кто-то был. Люди. Много людей. Все они были голые и совершенно неподвижно лежали на воде. Туман ритмично поднимался и опускался, то открывая, то застилая изжелта-белые тела, запрокинутые лица - люди не плавали, люди лежали на воде. Атоса передернуло. “Пойдем отсюда”, - проговорил он и потянул Наву за руку. Они выбрались на берег и вернулись на тропу.

- Никакие это не утопленники, - сказала Нава. - Колченог ничего не понял. Просто они здесь купались, а тут ударил горячий источник, и все они сварились. Очень это страшно, Молчун, - сказала она, помолчав. - Мне даже говорить об этом не хочется. А как их там много, целая деревня…

Они дошли до того места, где тропа раздваивалась, и остановились.

- Пойдем вверх? - спросила Нава.

- Да, - сказал Атос. - Вверх.

Они свернули направо и стали подниматься по склону.

- И все они женщины, - сказала Нава. - Ты заметил?

- Да, - сказал Атос.

- Вот это самое страшное. Вот это я никак не могу понять. А может быть… - Она посмотрела на Атоса. - А может быть, их мертвяки туда загоняют? Наловят по всем деревням, пригонят к озеру и варят… Зачем мы только из деревни ушли? Сидели бы в деревне, ничего бы этого не видели, жили бы спокойно, так нет, тебе вот понадобилось в Город идти… Ну зачем тебе понадобилось в Город идти?

- Не знаю, - сказал Атос.

Они лежали в кустах на самой опушке и глядели сквозь листву на вершину холма. Холм был пологий и голый, а на вершине его шапкой лежало облако лилового тумана. Над холмом было открытое небо, дул порывистый ветер и гнал серые тучи, моросил дождь. Лиловый туман стоял неподвижно, словно никакого ветра не было. Было довольно прохладно, даже свежо, они ежились от озноба и стучали зубами, но уйти они уже не могли: в двадцати шагах от них, прямые, как статуи, с широко раскрытыми ртами стояли три мертвяка и тоже смотрели на вершину холма пустыми глазами. Эти мертвяки подошли пять минут назад и остановились. Нава почуяла их и рванулась было бежать, но Атос зажал ей рот рукой и вдавил ее в землю. Теперь она немного успокоилась, только дрожала крупной дрожью. Но уже не от страха, а от холода, и снова смотрела не на мертвяков, а на холм.

На холме происходило что-то странное. Из леса с густым басовым гулом вырывались невообразимые стаи мух, устремлялись к вершине и скрывались в тумане. Это происходило волнами. Мириады мух, гигантские рои ос и пчел, тучи разноцветных буков уверенно неслись под дождем к холму. Склоны холма оживали колоннами муравьев и пауков, из кустарников выливались сотни слизней-амеб. Поднимался шум, как от бури. Все это поднималось к вершине, всасывалось в лиловое облако, и вдруг наступала тишина. Проходило какое-то время, снова поднимался шум и гул, и все это вновь извергалось из тумана и устремлялось в лес. Только слизни оставались на вершине, зато вместо них по склонам ссыпались самые разнообразные животные: катились волосатики, ковыляли на ломких ногах неуклюжие рукоеды и еще какие-то неизвестные, никогда невиданные, многоцветные, голые, блестящие, многоглазые… И снова наступала тишина, и снова все повторялось сначала. Однажды из тумана вылез молодой тахорг, несколько раз выбегали мертвяки и сразу кидались в лес, оставляя за собою белесые полосы исчезающего пара. Лиловое неподвижное облако глотало и выплевывало, глотало и выплевывало неустанно и регулярно, как машина.

Колченог говорил, что Город стоит на холме. Может быть, это был город. Но в чем его смысл? В чем цель этой странной деятельности? Чего-нибудь в этом роде можно было ожидать. Но где хозяева? Атос посмотрел на мертвяков. Те стояли в прежних позах, и рты их были все так же

раскрыты. Может быть, я ошибаюсь, подумал Атос. Может быть, они и есть хозяева. Я совсем разучился думать здесь. Если у меня иногда и появляются мысли, оказывается, что я совершенно не способен их связать. Почему из тумана не вышел еще ни один слизень? Нет, не то. Надо по порядку. Я ищу источник разумной деятельности. Это, в общем, не верно. Меня совсем не интересует разумная деятельность. Я просто ищу кого-нибудь, кто помог бы мне вернуться домой. Кто помог бы мне преодолеть две тысячи километров леса. Или хотя бы сказать, в какую сторону идти. У мертвяков должны быть хозяева, я ищу этих хозяев, я ищу источник разумной деятельности. Он немного приободрился. Получалось вполне связно. Начнем с самого начала. У мертвяков должны быть хозяева, потому что мертвяки - это не люди, потому что мертвяки - это не животные. Следовательно, мертвяки сделаны. Если они не люди. А почему они не люди? Он потер лоб. Я же уже решал этот вопрос. Давно. В деревне. Я его два раза решал, потому что в первый раз я забыл решение, а сейчас я забыл доказательство… Он затряс головой изо всех сил, и Нава тихонько зашипела на него. Он затих и некоторое время полежал неподвижно, уткнувшись лицом в мокрую траву. Почему они не животные - я тоже уже доказал когда-то… Высокая температура… Нет, вздор… Он вдруг с ужасом ощутил, что забыл даже, как выглядят мертвяки. Он помнил только их раскаленное тело и резкую боль в ладонях. Он повернул голову и посмотрел на мертвяков. Да. Думать мне нельзя. Пора поесть; и ты мне это уже рассказывала, Нава; послезавтра мы уходим - вот и все, что мне можно. Но я же ушел! И я здесь, у Города! Я пойду в Город. Что бы это ни было - Город. У меня весь мозг зарос лесом. Я ничего не понимаю. Вспомнил. Я шел в Город, чтобы мне объяснили про все: про Одержание, мертвяков, Великое Разрыхление Земли, озера с утопленниками… Оказывается, что все это обман, чепуха. Я надеялся, что мне в Городе объяснят, как добраться до своих. Не может же быть, чтобы они не знали о нашей Базе, Колченог все время болтает о Чертовых Скалах и о летающих деревнях… Но разве может лиловое облако что-нибудь объяснить? Это было бы страшно, если бы хозяином оказалось лиловое облако. А ведь это напрашивается, Молчун. Лиловый туман здесь везде хозяин, разве я не помню? И не туман это вовсе… Так вот в чем дело, вот почему люди загнаны, как звери, в чащи, в болота, утоплены в озерах, они были слишком слабы, они не поняли, а если и поняли, то ничего не смогли сделать, чтобы помешать… Когда я еще был землянином и не, был загнан, кто-то как-то доказывал очень убедительно, что контакт между гуманоидным разумом и негуманоидным невозможен. Да, он невозможен.

И никто мне не скажет теперь, как добраться до своих… Мой контакт с землянами тоже невозможен, и я могу это доказать. Я еще могу увидеть Солнце, если ночью заберусь на дерево и если это будет подходящий сезон. И подходящее дерево. Нормальное земное дерево. Которое не прыгает. И не отталкивает. И не старается уколоть в глаз. Но нет такого дерева, с которого я мог бы увидеть Базу… Базу… Ба-зу. Он забыл, что такое База.

Лес снова загудел, зажужжал, зафыркал, снова к лиловому куполу ринулись полчища мух и муравьев. Одна туча прошла над их головами и их засыпало дохлыми и слабыми, помятыми в тесноте роя. Атос ощутил неприятное жжение в руке и поглядел. Локоть его, упертый в рыхлую землю, оплели нежные нити грибницы. Атос равнодушно растер их ладонью. Потом сбоку раздался знакомый храп. Атос повернул голову. Сразу из-за семи деревьев на холм тупо глядел матерый тахорг. Один из мертвяков ожил, вывернулся и сделал несколько шагов навстречу тахоргу. Снова раздался храп, треснули деревья, и тахорг удалился. Мертвяков даже тахорги боятся, подумал Атос. Кто же их не боится?.. Мухи ревут. Глупо. Мухи - ревут. Осы ревут…

- Мама… - прошептала вдруг Нава. - Мама идет…

Она стояла на четвереньках и глядела через плечо. Лицо ее выражало огромное изумление и недоверие. Атос посмотрел. Из леса вышли три женщины и, не замечая мертвяков, направились к холму.

- Мама! - завизжала Нава не своим голосом, перепрыгнула через Атоса и понеслась им наперерез.

7

Трое мертвяков, подумал Атос. Трое… Хватило бы и одного. Он с трудом поднялся на ноги. Тут мне и конец, подумал он. Глупо. Зачем они сюда приперлись? Мертвяки закрыли рты, головы их поворачивались вслед за бегущей Навой. Потом они разом шагнули вперед, и Атос побежал.

- Назад! - закричал он. - Уходите! Здесь мертвяки!

Мертвяки были огромные, плечистые, новенькие, без единой царапины. Невероятно длинные их руки касались травы. Не спуская с них глаз, Атос встал у них на дороге. Мертвяки смотрели поверх его головы и с уверенной неторопливостью надвигались на него, и он пятился, отступал, оттягивая неизбежное начало и неизбежный конец, борясь с нервной тошнотой и никак не решаясь остановиться. Нава за его спиной кричала: “Мама! Это я! Мама!” Глупые бабы, почему они не бегут? Обмерли от страха? Остановись! Остановись же! - говорил он себе. - Сколько можно пятиться? Он не мог остановиться, и презирал себя за это, и продолжал пятиться.

Остановились мертвяки. Сразу, как по команде. Тот, что шел впереди, застыл с поднятой ногой, а потом медленно, словно в нерешительности, опустил ее в траву. Рты их снова вяло раскрылись, и головы повернулись к вершине холма. Атос, все еще пятясь, оглянулся. Нава висела на шее у одной из женщин, та улыбалась и гладила ее по спине. Остальные двое спокойно стояли рядом и негромко переговаривались, одна расчесывала волосы. Атос остановился и поглядел на мертвяков. Мертвяки в полной неподвижности смотрели на вершину холма. Атос повернулся к женщинам. Женщины не обращали внимания ни на него, ни на мертвяков. Они переговаривались о чем-то низкими голосами, похлопывали Наву и ерошили ей волосы, улыбались и больше всего, видимо, были озабочены приведением в порядок своих мокрых блестящих волос. Словно после купания, машинально отметил Атос. Шагая, как во сне, он приблизился к ним.

- Бегите, - сказал он, уже чувствуя, что говорит бессмыслицу, - вы стоите? Бегите, пока не поздно…

Женщины обратили, наконец, внимание и на него. Они были рослые, здоровые, непривычно чистые, словно вымытые, они и были вымытые, волосы у них были мокрые, и желтая одежда приставала к телу. Одна женщина была беременна, другая - совсем еще молоденькая, с розовым детским лицом и гладкой, без единой морщинки, шеей. Мать Навы была ниже всех ростом и, по-видимому, самая старшая из них. Нава обнимала ее за талию и прижималась лицом к ее животу.

- Почему вы не бежите? - упавшим голосом спросил Атос.

- Это человек с Белых Скал, - сказала мать Навы, рассматривая его внимательно, но без всякого интереса. - Они теперь попадаются все чаще. Как они оттуда спускаются?

- Труднее понять, как они туда поднимаются, - возразила беременная женщина. Она взглянула на Атоса только мельком. - Как они спускаются, я видела. Они падают. Некоторые убиваются, некоторые остаются в живых. Сейчас начнется выход, - сказала она, обращаясь к девушке. - Сбегай наверх, мы подождем тебя.

Девушка кивнула и легко побежала вверх по склону. Атос смотрел, как она добежала до вершины и, не останавливаясь, нырнула в лиловый туман.

- Ты хочешь есть? - спросила мать Навы Атоса. - Вы всегда хотите есть и едите страшно много, совершенно непонятно, зачем нам столько еды, вы ведь ничего не делаете… Или, может быть, ты что-нибудь делаешь? Некоторые твои приятели умеют работать и даже могут быть полезны для Одержания, хотя они совершенно не знают, что такое Одержание, между тем грудной младенец знает, что Одержание есть не что иное, как Великое Разрыхление Почвы…

- Ты всегда делаешь одну и ту же ошибку, - мягко прервала ее беременная женщина. - Влияние этой толстой желтой дуры сказывается на тебе до сих пор. Великое Разрыхление Почвы есть не цель, а всего лишь средство для Одержания Победы над врагом…

- Но что есть Победа над врагом? - слегка повысив голос, сказала мать Навы. - Победа над врагом есть победа над силами, которые лежат вне нас. А что значит “вне нас”? Вне нас - это не только вне меня и не только вне тебя, это вне нас всех, это вне Запада и вне Востока, ибо Запад - это тоже мы… Одержание - это не Одержание над Западом, но Одержание над тем, что есть вне Запада и вне Востока…

Атос слушал, стискивая челюсти. Все это не было бредом, как он сначала надеялся. Это было что-то обычное, просто незнакомое еще, но мало ли незнакомого в лесу? К этому надо было привыкнуть, как к съедобной земле, к повадкам мертвяков и ко всему прочему.

Беременная женщина поморщилась и, повернув голову, небрежно протянула руку к мертвякам. Один из них тотчас сорвался с места,

подбежал, скользя ногами по траве от торопливости, упал на колени и вдруг как-то странно расплылся и изогнулся. Атос потряс головой. Мертвяка больше не было. Было удобное на вид, уютное кресло. Беременная женщина, облегченно кряхтя, опустилась на мягкое сидение и откинула голову на мягкую спинку.

- Видишь ли, подруга, - сказала она, - я могу ответить тебе только одно. Твои слова - это вольное и бездоказательное толкование разговоров нового времени, эти разговоры не представляют ничего нового, они начались задолго до того, как ты появилась среди нас. Поверь мне, Одержание состоит в победоносной борьбе с Западным лесом и с теми, кто этот лес ведет на нас, это знают даже мужчины. Вот он, например. Послушай, человек с Белых Скал, в чем состоит Одержание?

Атос смотрел на нее. Странная догадка появилась у него в голове. Он старался не формулировать ее точно, потому что боялся, что собьется и потеряет нить. Потом, подумал он. Потом.

- Что же ты молчишь? - спросила беременная женщина нетерпеливо.

- Оставь его, подруга, - сказала мать Навы. - Что ты хочешь от мужчины, да еще с Белых Скал? Что бы он ни сказал, это не решит нашего спора. Кого может интересовать, что он думает об Одержании? Да он и не думает о нем вовсе. Он думает о еде, о своих грязных женщинах, о своем грязном жилище. И, возможно, о мертвых вещах, которые он оставил на своих Белых Скалах. Он - ошибка, одна из многих ошибок леса, и Одержание в том и состоит, чтобы эти ошибки исправить, все равно, на Западе они или на Востоке, копошатся в грязных деревушках или мерзнут на Белых Скалах.

- Ошибки надо не только исправлять, - сказала беременная женщина. - Ошибки надо использовать. У нас не должно быть ошибок, ошибки должны быть у них… Атос заметил, что Нава несколько раз порывалась заговорить, но каждый раз рука матери опускалась ей на голову, и она замолкала, еще крепче прижимаясь и обнимая мать.

- Кто вы такие? - спросил Атос.

Женщины с недоумением взглянули на него, как будто вспомнили, что он стоит рядом, затем рассмеялись.

- Он что-то спросил? - сказала беременная женщина.

- По-моему, он хочет знать, кто мы такие, - сказала мать Навы. - Интересно, зачем это ему?

- Нам просто послышалось, - сказала беременная женщина. - Но ты подняла интересный вопрос. Эти люди с Белых Скал все время набивают себе головы бесполезными знаниями, я полагаю, это проистекает из их бесстыдного и противоестественного увлечения мертвой природой. Одно время я даже думала, что они сами мертвые, такие же мертвые, как их дурацкие летающие дома, их одежда и масса вещей из блестящего камня, которые они всюду таскают с собой. Это не так. Вчерашнее испытание, например, показало, что они кричат от боли в тех же случаях, что и любой мужчина… А, у меня есть идея! - сказала вдруг беременная женщина и задумалась.

Мать Навы рассеянно смотрела на вершину холма, поглаживая Наву по растрепанным волосам. Из лиловой тучи на четвереньках выползали мертвяки. Они двигались неуверенно, то и дело валились, тычась головами в землю. Девушка ходила между ними, наклонялась, трогала их, подталкивала, и они один за другим поднимались на ноги, выпрямлялись и сначала неуверенно, а потом все тверже и тверже шагая, уходили в лес. Хозяева, - подумал Атос. Это хозяева. Они ничего не боятся. Мертвяки их слушают. Значит, это они командуют мертвяками. Значит, это они посылают мертвяков за женщинами. Значит, это они… Атос посмотрел на мокрые волосы женщин. И мать Навы, которую угнали мертвяки…

- Где вы купаетесь? - спросил он. - Зачем? Кто вы такие? Чего вы хотите?

Ему не ответили. Девушка спускалась с холма, и женщины смотрели на нее, обмениваясь замечаниями, которых Атос не понимал. Он разбирал только отдельные слова, как в бреду Слухача. Девушка подошла, волоча за лапу неуклюжего рукоеда.

- Видите, что там делается - сказала она.

Беременная женщина встала и принялась рассматривать рукоеда. Злобное чудовище, ужас деревенских детей, жалобно пищало, слабо вырывалось и бессильно раскрывало страшные роговые челюсти. Беременная женщина взяла его за нижнюю челюсть и сильным движением

вывернула ее. Рукоед всхлипнул и замер, затянув глаза пергаментной пеленой. Женщина говорила что-то: “…потому что не хватает… запомни, девочка… слабые челюсти, глаза открываются не полностью… переносить не может и поэтому бесполезен, а может быть, и вреден, как всякая ошибка… надо чистить, переменить место, а здесь все почистить…” “…холм… сухость, - говорила девушка. - …лес останавливается…” “…вот и подумай над этим, - сказала мать Навы. - И не откладывай. Если ты все поняла, то мы пойдем, а ты работай”. Они поговорили еще немного, а потом девушка снова пошла на вершину холма. Женщины, взяв Наву за руки и не обращая на Атоса внимания, направились в лес. Атос пошел следом.

Я зачем-то искал хозяев, думал он. Все дело в том, что я ждал совсем не таких хозяев. Я ничего не понимаю. Я думал, что хозяева совсем другие, и теперь не могу вспомнить, зачем они были мне нужны. Я искал злых, холодных, умных владык леса, они и есть владыки леса, эти бабы, но ведь они просто болтающие обезьяны, они сами не знают, чем они занимаются… И я не знаю, чем они занимаются, и чего они хотят, но если они не знают, чем они занимаются и чего хотят, то как я могу это узнать… Впрочем, мне это и не нужно знать, мне нужно совсем другое… Он сморщился от шума в голове… Что же мне нужно узнать…

Что-то горячее надвинулось со спины. Атос оглянулся и прыгнул в сторону. За ним по пятам шел огромный мертвяк - тяжелый, жаркий, бесшумный, немой. Робот, подумал Атос. Слуга. Я молодец, подумал он. Я это понял. Я забыл, как я до этого дошел, но это неважно, важно, что я понял, сам…

- Молчун! - позвала Нава и обернулась, и увидела мертвяка. - Мама! - завопила она и рванулась вперед, вырывая руки.

Женщины величественно повернули головы. Не было в этом мире ничего такого, ради чего стоило бы оборачиваться быстро. Хозяева, подумал Атос. Мать Навы засмеялась.

- Старые страхи! - сказала она беременной женщине. Та тоже улыбалась, но с некоторым неудовольствием. - Не бойся, девочка, - сказала мать Наве.

- Это работник. Посланец. Тебе не нужно их бояться. Бояться вообще никого не нужно: здесь все твое. Работники тоже принадлежат тебе. Завтра ты будешь уже командовать ими, и они будут делать все, что ты прикажешь, и пойдут, куда ты пожелаешь…

- Лес страшен только мужчинам, - сказала беременная женщина. - Потому что в лесу ничто не принадлежит им. Теперь ты стала нашей подругой и лес принадлежит тебе…

- Есть, однако, воры, - сказала мать Навы, обнаруживая готовность уточнять и спорить. - Вероятно, это самая опасная ошибка, но их становится все меньше…

- А я видела воров, - сказала Нава. - Молчун бил их палкой, а потом они гнались за нами, но мы убежали, мы очень быстро бежали, прямо через болото, хорошо, что Колченог показал мне, где тропа, а то нам бы не убежать. Молчун совсем из сил выбился, пока мы бежали, он совсем плохо бегает… Молчун, ты не отставай, ты за нами иди!..

Да, подумал Атос. Иду. Иду за вами. Зачем? Он вдруг понял, что Наву он потерял. И с этим ничего не поделаешь. Нава уходит к хозяевам, а я остаюсь… Остаюсь противником? Почему, собственно, противником? Какое мне до них дело? Какое-то дело есть… Что-то у них надо узнать… Нет, не то… Да, они держат в осаде деревню, значит, я все-таки их противник… Тогда зачем я иду за ними? Провожать Наву? И его охватила тоска. Прощай, Нава, подумал он.

Они вышли к развилке тропы, женщины свернули налево. К озеру. К озеру с утопленницами. Они и есть утопленницы.

”Мы идем к озеру, да? - спрашивала Нава. - Вы там купаетесь? Почему вы просто лежите, а не плаваете? Мы думали, что вы все утонули, мы все время думали, что вас топят мертвяки…” Мать что-то отвечала ей - Атос не расслышал. Они прошли мимо того места, где Атос ждал Наву и ел землю. Это было очень давно, подумал Атос. Так же почти давно, как База… Он едва шел, если бы по пятам не шел мертвяк, он, наверное, бы отстал. Потом женщины остановились и посмотрели на него. Кругом были тростники, земля под ногами была мокрая и топкая. Нава что-то тарахтела, а женщины задумчиво смотрели на него. Тогда он вспомнил.

- Как мне пройти на Базу? - спросил он. На их лицах изобразилось изумление, и он понял, что говорит по-русски. Он сам удивился: он уже не помнил, когда в последний раз говорил по-русски.

- Так мне пройти к Белым Скалам? - сказал он.

Беременная женщина сказала, усмехаясь:

- К Белым Скалам тебе не пройти. Ты сгинешь по дороге. Даже мы не рискуем пересекать линию боев. Даже приближаться к ней…

- А ведь мы защищены, - добавила мать Навы. - Правда, там не линия боев, конечно, а фронт борьбы за Разрыхление Почвы, но это не меняет дело. Тебе не перейти. Да и зачем тебе переходить? Ты все равно не сможешь подняться на Белые Скалы…

- Тебе не пройти линии боев между Западом и Востоком, - сказала беременная женщина. - Ты утонешь, а если не утонешь, тебя съедят, а если не съедят, то ты сгинешь заживо, а если не сгинешь заживо, то попадешь в переработку и растворишься… Одним словом, тебе не перейти. Но может быть, ты защищен? - В глазах ее появилось что-то похожее на любопытство.

- Не ходи, Молчун, не ходи, - сказала Нава. - Зачем тебе уходить? Оставайся с нами, в Городе! Ты ведь хотел в Город, вот это озеро и есть Город, мне мама сказала, правда, мама?

- Твой Молчун здесь не останется, - сказала мать Навы. - Но и фронт Разрыхления ему тоже не пересечь. Если бы я была на его месте - забавно, подруга, я сейчас попытаюсь представить себя на его месте, на месте мужчины с Белых Скал… Так вот, если бы я была на его месте, я бы вернулась в деревню, из которой я так легкомысленно ушла, и ждала бы там Одержания, потому что это неизбежно, и очередь его деревни наступит, как прежде наступила очередь многих и многих других деревень, таких же грязных и бессмысленных…

- Я тоже хочу вернуться с ним в деревню, - заявила вдруг Нава. - Мне не нравится, как ты говоришь. Раньше ты так никогда не говорила…

- Ты просто ошибаешься, - спокойно сказала ей мать. - Может быть, и я

тоже когда-то ошибалась, хотя я этого не помню. Даже наверняка ошибалась, пока не стала подругой…

Беременная женщина все смотрела на Атоса.

- Так, может быть, ты защищен? - повторила она.

- Я не понимаю, - сказал Атос.

- Значит, не защищен, - сказала женщина. - Это хорошо. Тебе не надо ходить к Белым Скалам и тебе не надо возвращаться в деревню. Ты останешься здесь…

- Да, с нами, - сказала Нава. - Я так и хотела, и вовсе я не ошибаюсь. Когда я ошибаюсь, я всегда говорю, что ошибаюсь, правда, Молчун?

Мать поймала ее за руку. Атос увидел, как вокруг материной головы быстро сгустилось знакомое лиловое облачко. Глаза ее на мгновение остекленели и закрылись. Потом она сказала:

- Пойдем, Нава, нас уже ждут.

- А Молчун? - спросила Нава.

- Ты же слышала, он остается здесь… В Городе ему совершенно нечего делать.

- Но я хочу, чтобы он был со мной! Как ты не понимаешь, мама, он же мой муж, мне дали его в мужья, и он уже давно мой муж…

Беременная женщина брезгливо скривилась. Мать Навы тоже.

- Не говори так больше, - сказала она. - Это нехорошее слово. Его надо забыть. Впрочем, ты его забудешь… Мужчины подругам совсем не нужны. Они никому не нужны. Они лишние. Они ошибка.

Атос невольно взглянул на беременную женщину. Та перехватила его взгляд и засмеялась.

- Глупец, - сказала она. - Ты даже этого не понимаешь. Боюсь, что я зря

трачу на тебя время.

- Пойдем, Нава, - сказала мать. - Он останется здесь. Ну хорошо, ты потом придешь к нему.

Она потащила Наву в тростники. Нава все оборачивалась и кричала:

- Ты не уходи, Молчун! Я скоро вернусь, ты не вздумай без меня уходить, это будет нехорошо, пусть ты не мой муж, раз здесь так нельзя, но я все равно твоя жена, я тебя выходила, и ты меня теперь жди…

Он смотрел ей вслед, понимая, что больше никогда не увидит ее, а если и увидит, то это будет уже не Нава, кивал, слабо махал рукой и старался улыбаться. Они скрылись из виду, и остались только тростники, потом Нава замолчала, послышался всплеск, и все стихло. Он проглотил комок, застрявший в горле, и спросил:

- Что вы с нею сделаете?

- Тебе этого не понять, - пренебрежительно сказала беременная женщина. - Ты - мужчина, и ты воображаешь, что ты нужен миру, а мир вот уже столько лет великолепно обходится без мужчин… Но оставим это, мне это неинтересно. Итак, ты не защищен. Иначе и не могло быть. Что ты умеешь?

- Я ничего не умею, - вяло сказал Атос.

- Ты умеешь управлять живым?

- Умел когда-то, - сказал Атос.

- Прикажи этому дереву согнуться, - сказала женщина.

Атос посмотрел на дерево и пожал плечами.

- Хорошо, - сказала женщина терпеливо. - Тогда убей это дерево. Тоже не можешь… Вызови воду. (Она сказала что-то другое, но Атос понял ее именно так). Что же ты можешь? Что ты делал на своих Белых Скалах?

- Я изучал лес, - сказал Атос.

- Ты лжешь, - возразила женщина. - Один человек не может изучать лес, это все равно что считать травинки. Если ты не хочешь говорить правду, то так и скажи…

- Я действительно изучал лес, - сказал Атос. - Я изучал… - он замялся. - Я изучал самые маленькие существа в лесу. Те, которые не видны простым глазом.

- Ты опять лжешь, - ровным голосом сказала женщина. - Невозможно изучать то, что не видно глазом.

- Возможно, - сказал Атос. - Нужны только… - он опять замялся. Микроскоп… линзы… приборы… Это не передать. - Если взять каплю воды, - сказал он, - то имея нужные вещи, можно увидеть в ней тысячи тысяч мелких животных…

- Для этого не нужно никаких вещей, - сказала женщина нетерпеливо. - Вы там впали в распутство с вашими мертвыми вещами на ваших Белых Скалах, вы потеряли умение видеть то, что видит в лесу любой нормальный человек… Постой, ты говоришь о мелких или о мельчайших? Может, ты говоришь о строителях всего?

- Может быть, - сказал Атос. - Я не понимаю тебя. Я говорю о мелких животных, которые служат причинами болезней, которые могут лечить, помогают готовить пищу и делать вещи… Я искал, как они устроены здесь, на этой земле.

- Ты так давно ушел с этой земли, что уже забыл… - саркастически сказала женщина. - Впрочем, ладно, я поняла, чем ты занимаешься. И я поняла, что ты не имеешь над строителями никакой власти… Любой деревенский дурак может больше, чем ты. Что же мне с тобой делать? Что же мне с тобой сделать, раз уж ты пришел сюда?

- Я пойду, - сказал Атос устало. - Прощай.

- Нет, погоди, - сказала она. Атос ощутил раскаленные клещи, сжавшие сзади его локти. Он рванулся, но это было бессмысленно. Женщина размышляла вслух: - Они абсолютно ни на что не годны. Ловить их для растворения - долго и бессмысленно, к тому же они дают плохую плоть. И они почти ничего не умеют, даже эти умники с Белых Скал. Но их

довольно много, обидно оставлять их втуне. А почему я должна об этом думать? Есть ночные работники, пусть они и думают… - Она махнула рукой, повернулась и неторопливо, вперевалку, ушла в тростники.

И тогда Атос почувствовал, что его поворачивают на тропинку. Локти у него онемели и, казалось, обуглились. Он рванулся изо всех сил, и тиски сжались крепче. Он не понимал, что с ним будет и куда его отведут, но он вдруг вспомнил прошлую ночь, призраки Карла и Валентина в черном квадрате низких дверей и отчаянные стонущие вопли боли. Тогда он изловчился и ударил мертвяка ногой, ударил назад, вслепую, изо всех сил. Нога его погрузилась в мягкое и горячее. Мертвяк хрюкнул и ослабил хватку. Атос упал лицом в траву, вскочил, повернулся - мертвяк уже снова шел на него, широко раскинув неимоверно длинные руки. Это было страшно, и Атос закричал. Не было ничего под рукой, ни травобоя, ни бродила, ни палки, ни камня. Топкая теплая земля разъезжалась под ногами. Потом он вспомнил и сунул руку за пазуху, и когда мертвяк навис над ним, он зажмурился, ударил его скальпелем куда-то между глаз и, навалившись всем телом, протащил лезвие сверху вниз до земли и упал.

Он лежал, прижимаясь щекой к траве, и глядел на мертвяка, а тот стоял, шатаясь, медленно распахиваясь, как чемодан, по всей длине белесого туловища, а потом оступился и рухнул на спину, заливая все вокруг густой белой жидкостью. Он дернулся несколько раз и замер. Тогда Атос встал и побрел прочь. По тропинке.

Он смутно помнил, что хотел кого-то здесь ждать, что-то хотел узнать, что-то собирался сделать. Но теперь все это было неважно. Важно было уйти подальше, хотя он сознавал, что никуда уйти не удастся. Ни ему, ни многим, многим, многим другим.

8

Он проснулся, открыл глаза и уставился в низкий, покрытый известковыми натеками потолок. По потолку опять шли муравьи. Справа налево двигались нагруженные, слева направо шли порожняком. Месяц назад было наоборот, и месяц назад была Нава. А больше ничего не

изменилось. Послезавтра мы уходим, подумал он.

За столом сидел старик и смотрел на него, ковыряя а ухе. Старик окончательно отощал, глаза ввалились, зубов во рту совсем не осталось. Наверное, он скоро умрет.

- Что же это ты, Молчун, - плаксиво сказал старик, - совсем у тебя нечего есть, как у тебя Наву отняли, так у тебя и еды в доме больше не бывает, говорил я тебе: не ходи, нельзя. Зачем ушел? Колченога наслушался, а разве Колченог понимает, что можно, а что нельзя? И Колченог этого не понимает, и отец Колченога такой же был, и дед его такой же, и весь их Колченогов род такой был, вот они все и померли, и Колченог обязательно помрет, никуда не денется… А может быть, у тебя, Молчун, есть какая-нибудь еда, может быть, ты ее спрятал? Если спрятал, то доставай, я есть хочу, мне без еды нельзя, я всю жизнь ем, привык уже, а то Навы теперь нет, Хвоста тоже деревом убило, вот у него всегда еды было много, я у него горшка по три сразу съедал, хотя она всегда у него была недоброженная, потому его, наверное, деревом и убило…

Атос встал, поискал по дому в потайных местечках, устроенных Навой. Еды действительно не было. Тогда он вышел из дому, повернул налево и направился к площади, к дому Кулака. Старик плелся за ним. На поле нестройно и скучно покрикивали: “Эй, сей веселей!.. Вправо сей, влево сей!..” В лесу откликалось эхо. Каждое утро Атосу теперь казалось, что лес придвигается ближе. На самом деле этого не было, а если и было, то вряд ли человеческий глаз мог бы это заметить. И мертвяков в лесу не стало больше, чем прежде. Но теперь Атос точно знал, кто они такие, и теперь он их ненавидел. Когда мертвяк появлялся из леса, раздавались крики: “Молчун! Молчун!” Он шел туда и уничтожал мертвяка скальпелем, быстро, надежно, с жестоким наслаждением. Вся деревня сбегалась смотреть на это зрелище и неизменно ахала в один голос и закрывалась руками, когда вдоль окутанного паром тела распахивался страшный белый шрам. Ребятишки больше не дразнили Молчуна, а просто разбегались и прятались при его появлении. О скальпеле в домах по вечерам шептались.

Посреди площади в траве стоял торчком, вытянув руки к небу, Слухач, окутанный лиловым облачком, со стеклянными глазами и пеной на губах. Вокруг него топтались любопытные детишки, смотрели и слушали, раскрывши рты. Атос тоже остановился послушать. (Ребятишек как ветром

сдуло).

- В битву вступают новые… - металлическим голосом бредил Слухач. - Победное передвижение… обширные места покоя… новые отряды подруг… спокойствие и влияние…

Атос пошел дальше. Сегодня с утра голова его была довольно ясной, он почувствовал, что может думать, и подумал, что вот этот бред Слухача - это наверное одна из древнейших традиций этой деревни и всех деревень, потому что в Новой деревне тоже был свой слухач, и старик как-то хвастался, какие слухачи были, когда он был ребенком; можно было представить себе времена, когда многие знали, что такое Одержание, когда они были заинтересованы в том, чтобы многие знали, или воображали, что заинтересованы, а потом выяснилось, что можно прекрасно обойтись без этих многих - когда научились управлять лиловым туманом и из лиловых туч вышли первые мертвяки, и первые деревни очутились на дне первых треугольных озер, и возникли первые отряды подруг. А традиция осталась, такая же бессмысленная, как весь этот лес, как все эти искусственные чудовища и Города, откуда идет разрушение и где никто не знает, что оно такое, но согласны, что оно необходимо и полезно; бессмысленная, как бессмысленна всякая закономерность, наблюдаемая извне спокойными глазами естествоиспытателя… Атос обрадовался: ему показалось, что он, наконец, сумел связно сформулировать все это… и кажется, не просто сформулировать, но и определить свое место…. Я не во вне, я здесь, я не естествоиспытатель, я сам частица, которой играет эта закономерность.

Он оглянулся на Слухача. Слухач с обычным своим обалделым видом сидел в траве и вертел головой, вспоминая, где он и что он. Наверное, уж много веков тысячи Слухачей в тысячах деревень, затерянных в лесах огромного континента, выходят по утрам на пустые теперь площади и бормочут непонятные, давным-давно утратившие всякий смысл фразы о подругах, об Одержании, слиянии и покое; фразы, которые передаются тысячами каких-то людей из тысяч Городов, где тоже забыли, зачем это надо и кому.

Кулак неслышно подошел к нему сзади и треснул его ладонью между лопаток.

- Встал тут и глазеет, - сказал он. - Один вот тоже глазел-глазел,

переломали ему руки-ноги - больше не глазеет. Когда уходим-то, Молчун? Долго ты мне голову будешь морочить? У меня ведь старуха в другой дом ушла, и сам я третью ночь у старосты ночую, а нынче вот думаю пойти к Хвостовой вдове ночевать. Еда вся до того перепрела, что и старик уже жрать не желает, кривится, говорит: перепрело у тебя все, не то что жрать - нюхать невозможно… Только к Чертовым скалам я не пойду, Молчун, а пойду я с тобою в Город, наберем мы там с тобой баб, если воры встретятся, половину отдадим, не жалко, а другую половину в деревню приведем, пусть здесь живут, нечего им там плавать зря, а то одна тоже вот плавала, дали ей хорошенько по соплям - больше не плавает и воды видеть не может… Слушай, Молчун, а может, ты наврал про Город или привиделось тебе, отняли у тебя воры Наву, тебе с горя и привиделось. Колченог вот не верит: считает, что тебе привиделось. Какой же это Город в озере - все говорили, что на холме, а не в озере. Да разве в озере можно жить, мы же там все потонем, там же вода, мало ли что там бабы, я в воду даже за бабами не полезу, я плавать не умею, да и зачем? Но я могу, в крайнем случае, на берегу стоять, пока ты их из воды тащить будешь… Ты, значит, в воду полезешь, а я, на берегу останусь, и мы с тобой эдак быстро управимся…

- Дубину ты себе сломал? - спросил Атос.

- А где я тебе в лесу дубину возьму? - возразил Кулак. - Это на болото надо идти - за дубиной. А у меня времени не было, я еду стерег, чтобы старик ее не сожрал, да и зачем мне дубина, когда я драться ни с кем не собираюсь… Один вот токе дрался…

- Ладно, - сказал Атос. - Я тебе сам сломаю дубину. Послезавтра выходим.

Он повернулся и пошел обратно. Кулак не изменился. И никто из них не изменился. Как он ни старался втолковать им, они ничего не поняли, а может быть, ничему не поверили. Идея надвигающейся гибели просто не умещалась в их головах. Гибель надвигалась слишком медленно. И начала надвигаться слишком давно. Может быть, дело было в том, что гибель - понятие, связанное с мгновенностью, катастрофой, сиюминутностью. Они не умели обобщать, они не умели думать о мире вне своей деревни. Была деревня и был лес. Лес был сильнее, но лес вс_е_г_д_а_ был и всегда бу_д_е_т сильнее. При чем здесь гибель? Такова жизнь. Когда-нибудь они

спохватятся. Когда не останется больше женщин, когда болота подойдут вплотную к домам, когда посреди улиц ударят подземные источники, и деревня начнет погружаться под воду… Впрочем, может быть, и тогда они не спохватятся - просто скажут: “Нельзя здесь больше жить”, - и уйдут в Новую деревню…

Колченог сидел у порога, поливал бродилом выводок грибов, поднявшихся за ночь, и готовился завтракать.

- Садись, - сказал он Атосу приветливо. - Есть будешь? Хорошие грибы.

- Поем, - сказал Атос и сел рядом.

- Поешь, поешь, - сказал Колченог. - Навы у тебя теперь нету, когда еще без Навы приспособишься… Я слыхал, ты опять уходишь… Что это тебе дома не сидится? Сидел бы дома, хорошо бы тебе было. В Тростники идешь или в Муравейники? В Тростники бы я тоже с тобой сходил. Свернули бы мы сейчас с тобой по улице направо, перешли бы через редколесье, там бы грибов набрали заодно, захватили бы с собой бродило, там же и поели бы, хорошие в редколесье грибы, в деревне такие не растут, да и в других местах тоже, ешь-ешь, и все мало… А как поели бы, вышли бы мы с тобой из редколесья, да мимо Хлебного болота, там бы опять поели, хорошие злаки там родятся, сладкие, просто удивляешься, что на болоте и такие злаки произрастают… Ну а потом, конечно, прямо за солнцем, три дня бы шли, а там уже в Тростники…

- Мы с тобой идем к Чертовым Скалам, - терпеливо напомнил Атос. - Послезавтра выходим. Кулак токе идет.

Колченог с сомнением покачал головой.

- К Чертовым скалам… - повторил он. - Нет, Молчун, к Чертовым скалам нам не пройти. Это ты знаешь, где Чертовы скалы? Их, может, и вообще нигде нет, а просто так говорят: скалы - мол, Чертовы… Так что к Чертовым Скалам я не пойду: не верю я в них. Вот если бы в Город, например, или еще лучше в Муравейники, это тут рядом, рукой подать… Слушай, Молчун, а пошли-ка мы с тобой в Муравейники, и Кулак пойдет… Я ведь в Муравейниках как ногу себе сломал, так с тех пор там и не был. Нава, бывало, все просила меня: сходим, Колченог, в Муравейники, охота, видишь, ей было посмотреть дупло, где я ногу

сломал, а я ей говорю, что я не помню, где это дупло, и вообще, может, Муравейников больше теперь нет, я там давно не был…

Атос жевал гриб и смотрел на Колченога. Колченог говорил и говорил, говорил о Тростниках, говорил о Муравейниках, глаза его были опущены, и он только изредка взглядывал на Атоса. И Атосу вдруг пришло в голову, что Колченог только с ним говорит так - как слабоумный, не способный сосредоточиться на одной мысли, что вообще-то Колченог хороший спорщик и видный оратор, и с ним считается и староста, и Кулак, а старик просто боится его и не любит, и что Колченог был лучшим приятелем и спутником известного Обиды-Мученика, человека беспокойного и ищущего, ничего не нашедшего и сгинувшего где-то в лесу… И тогда Атос понял, что Колченог просто не хочет пускать его в лес, боится за него и жалеет его, что Колченог просто добрый и умный человек, но лес для него - это лес, опасное место, гибельное, куда многие ходили да немногие возвращались, и если уж полоумному Молчуну удалось один раз вернуться, потеряв там девочку, то дважды таких чудес не случается…

- Слушай, Колченог, - сказал он. - Послушай меня внимательно, послушай и поверь. Я не сумасшедший, и к Чертовым скалам я не потому иду, что мне дома не сидится. Люди, которые живут на Чертовых скалах, это единственные люди, которые могут спасти деревню. К ним я и иду. Понимаешь, я иду звать их на помощь.

Колченог смотрел на Атоса. Выцветшие глаза его были непроницаемы.

- А как же! - сказал он. - Я так тебя и понимаю. Вот как отсюда выйдем, свернем налево, дойдем до поля и мимо двух камней выйдем на тропу, эту тропу сразу отличить можно - там валунов столько, что ноги сломаешь… Да ты ешь грибы, Молчун, ешь, они хорошие… По этой, значит, тропе дойдем до грибной деревни, я тебе про нее, по-моему, рассказывал, она пустая, вся грибами поросла, но не такими, как эти, например, а скверными, их мы есть не будем, от них болеют и умереть можно, так что мы в этой деревне даже останавливаться не будем, а сразу пойдем дальше и, спустя время, дойдем мы до чудаковой деревни, там горшки делают из земли - вот додумались, это после того случилось у них, как синяя трава через них прошла - и ничего, не заболели даже, только горшки из земли делать стали… У них мы тоже останавливаться не будем, нечего нам у них там останавливаться, а пойдем сразу от них направо - тут тебе и будет

глиняная поляна…

Атос глядел на него и думал. Обреченные. Несчастные обреченные. Правда, они не знают, что они несчастные. Они не знают, что сильные этой планеты считают их лишними, жалкой ошибкой. Они не знают, что сильные, занятые своей непонятной всепланетной деятельностью, уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов, стенами леса. Они не знают, что все для них уже предопределено, что будущее человечество на этой планете - это партеногенез и рай в теплых озерах и, что самое страшное, историческая правда на этой планете не на их стороне, что они являются реликтами, осужденными на гибель объективными законами, и что помогать им - означает на этой планете - идти против прогресса, задерживать прогресс, на каком-то крошечном участке его фронта… Но только меня не это интересует, подумал Атос. Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого слова для обозначения объективного направления истории. Здесь выбирает не голова, здесь выбирает сердце. Может быть, хотя теперь я вижу, что это невозможно, но предположим… Если бы подруги подобрали меня, вылечили и обласкали, приняли бы меня как своего, пожалели бы - может быть, тогда я сломал бы себя и объединил бы сердце с головой, встал бы на сторону этого прогресса, и Колченог был бы для меня просто досадной ошибкой, с которой слишком уж долго возятся… Но меня спас, выходил и обласкал Колченог, и деревня стала моей деревней, и ее беды стали моими бедами, и ее ужасы стали моими ужасами… И мне плевать, что она досадный камешек в жерновах прогресса, и сделаю все, чтобы на этом камешке жернова затормозили, и если я доберусь до Базы, я сделаю все, чтобы эти жернова остановились, а если мне это не удастся, - а мне почти наверняка не удастся уговорить их, - тогда я вернусь сюда один и уже не со скальпелем… И тогда мы посмотрим.

- Значит, договорились, - сказал он. - Послезавтра выходим.

- А как же! - немедленно ответствовал Колченог. - Сразу от меня налево…

На поле вдруг зашумели. Завизжали женщины. Много голосов закричало хором: “Молчун! Молчун!” Колченог встрепенулся.

- Пойдем! - сказал он, торопливо поднимаясь. - Пойдем, посмотреть хочу.

Атос встал, вытащил из-за пазухи скальпель и зашагал к окраине.

9

- Сегодня мы наконец улетаем, - сказал Турнен.

- Поздравляю, - сказал Леонид Андреевич. - А я еще останусь немножко.

Он бросил камешек, и камешек канул в облако. Облако было совсем близко внизу, под ногами. Леса видно не было. Леонид Андреевич лег на спину, свесив босые ноги в пропасть и заложив руки за голову. Турнен сидел на корточках неподалеку и внимательно, без улыбки смотрел на него.

- А ведь вы действительно боязливый человек, Горбовский, - сказал он.

- Да, очень, - согласился Леонид Андреевич. - Но вы знаете, Тойво, стоит поглядеть вокруг, и вы увидите десятки и сотни чрезвычайно смелых, отчаянно храбрых, безумно отважных… даже скучно становится, и хочется разнообразия. Ведь правда?

- Да, пожалуй, - сказал Турнен, опуская глаза. - Но я-то боюсь только за одного человека…

- За себя, - сказал Горбовский.

- В конечном итоге - да. А вы?

- В конечном итоге - тоже да.

- Скучные мы с вами люди, - сказал Турнен.

- Ужасно, - сказал Леонид Андреевич. - Вы знаете, я чувствую, что с каждым днем становлюсь все скучнее и скучнее. Раньше около меня всегда

толпились люди, все смеялись, потому что я был забавный. А теперь вот вы только… и то не смеетесь. Вы понимаете, я стал тяжелым человеком. Уважаемым - да. Авторитетным - тоже да. Но без всякой приятности. А я к этому не привык, мне это больно.

- Привыкнете, - сказал Турнен. - Если раньше не умрете от страха, то привыкнете. А в общем-то вы занялись самым неблагодарным делом, какое можно себе представить. Вы думаете о смысле жизни сразу за всех людей, а люди этого не любят. Люди предпочитают принимать жизнь такой, какая она есть. Смысла жизни не существует. И смысла поступков не существует. Если поступок принес вам удовольствие - хорошо, если не принес - значит, он был бессмысленным. Зря стараетесь, Горбовский.

Леонид Андреевич извлек ноги из пропасти и перевалился на бок.

- Ну вот уже и обобщения, - сказал он. - Зачем судить обо всех по себе?

- Почему обо всех? Вас это не касается.

- Это многих не касается.

- Да нет. Многих - вряд ли. У вас какой-то обостренный интерес к последствиям, Горбовский. У большинства людей этого нет. Большинство считает, что это не важно. Они даже могут предвидеть последствия, но это не проникает им в кровь, действуют они все равно, исходя не из последствий, а из каких-то совсем других соображений.

- Это уже другое дело, - сказал Леонид Андреевич. - Тут я с вами согласен. Я не согласен только, что эти другие соображения - всегда собственное удовольствие.

- Удовольствие - понятие широкое…

- А, - прервал Леонид Андреевич. - Тогда я с вами согласен полностью.

- Наконец-то, - сказал Турнен язвительно. - А я-то думал, что мне делать, если вы не согласитесь. Я уже собирался вас прямо спрашивать: зачем вы, собственно, здесь сидите, Горбовский?

- Но ведь вы не спрашиваете?

- В общем - нет, потому что я и так знаю.

Леонид Андреевич с восхищением посмотрел на него.

- Правда? - сказал он. - А я-то думал, что законспирировался удачно.

- А зачем вы, собственно, законспирировались?

- Так смеяться же будут, Тойво. И вовсе не тем смехом, какой я привык слышать рядом с собой.

- Привыкнете, - сказал Турнен. - Вот спасете человечество два-три раза и привыкнете. Чудак вы все-таки. Человечеству совсем не нужно, чтобы его спасали.

Леонид Андреевич натянул шлепанцы, подумал и сказал:

- В чем-то вы, конечно, правы. Это мне нужно, чтобы человечество было в безопасности. Я, наверное, самый большой эгоист в мире. Как вы думаете, Тойво?

- Несомненно, - сказал Турнен. - Потому что вы хотите, чтобы всему человечеству было хорошо только для того, чтобы вам было хорошо.

- Но, Тойво! - вскричал Леонид Андреевич и дате слегка ударил себя кулаком в грудь. - Разве вы не видите, что они все стали как дети? Разве вам не хочется возвести ограду вдоль пропасти, возле которой они играют? Вот здесь, например, - он ткнул пальцем вниз. - Вот вы давеча хватались за сердце, когда я сидел на краю, вам было нехорошо, а я вижу, как двадцать миллиардов сидят, спустив ноги в пропасть, толкаются, острит и швыряют камешки, и каждый норовит швырнуть потяжелее, а в пропасти туман, и неизвестно, кого они разбудят там, в тумане, а им всем на это наплевать, они испытывают приятство от того, что у них напрягается мускулюс глютеус, а я их всех люблю и не могу…

- Чего вы, собственно, боитесь? - сказал Турнен раздраженно. - Человечество все равно не способно поставить перед собой задачи, которые оно не может разрешить.

Леонид Андреевич с любопытством посмотрел на него.

- Вы серьезно так думаете? - сказал он. - Напрасно. Вот оттуда, - он опять ткнул пальцем вниз, - может выйти братец по разуму и сказать: "Люди, помогите нам уничтожить лес". И что мы ему ответим?

- Мы ему ответим: "С удовольствием". И уничтожим. Это мы в два счета.

- Нет, - возразил Леонид Андреевич. - Потому что едва мы приступили к делу, как выяснилось, что лес - тоже братец по разуму, только двоюродный. Братец - гуманоид, а лес - не гуманоид. Ну?

- Представить можно все, что угодно, - сказал Турнен.

- В том-то и дело, - сказал Горбовский. - Поэтому-то я здесь и сижу. Вы спрашиваете, чего я боюсь. Я не боюсь задач, которые ставит перед собой человечество, я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-нибудь другой. Это только так говорится, что человек всемогущ, потому что, видите ли, у него разум. Человек - нежнейшее, трепетнейшее существо, его так легко обидеть, разочаровать, морально убить. У него же не только разум. У него так называемая душа. И то, что хорошо и легко для разума, то может оказаться роковым для души. А я не хочу, чтобы все человечество - за исключением некоторых сущеглупых - краснело бы и мучилось угрызениями совести, или страдало от своей неполноценности и от сознания своей беспомощности, когда перед ним встанут задачи, которые оно даже и не ставило. Я уже все это пережил в фантазии и никому не пожелаю. А вот теперь сижу и жду.

- Очень трогательно, - сказал Турнен. - И совершенно бессмысленно.

- Это потому, что я пытался воздействовать на вас эмоционально, - грустно сказал Леонид Андреевич. Попробую убедить вас логикой. Понимаете, Тойво, возможность неразрешимых задач можно предсказать априорно. Наука, как известно, безразлична к морали. Но только до тех пор, пока ее объектом не становится разум. Достаточно вспомнить проблематику евгеники и разумных машин… Я знаю, вы скажете, что это наше внутреннее дело. Тогда возьмем тот же разумный лес. Пока он сам по себе, он может быть объектом спокойного осторожного изучения. Но если он воюет с другими разумными существами, вопрос из научного становится для нас моральным. Мы должны решать, на чьей стороне быть,

а решить мы этого не можем, потому что наука моральные проблемы не решает, а мораль сама по себе не имеет логики, она нам задана до нас, как мода на брюки, и не отвечает на вопрос: почему так, а не иначе. Я ясно выражаюсь?

- Слушайте, Горбовский, - сказал Турнен. - Что вы прицепились к разумному лесу? Вы что, действительно считаете этот лес разумным?

Леонид Андреевич приблизился к краю и заглянул в пропасть.

- Нет, - сказал он. - Вряд ли… Но есть в нем что-то нездоровое с точки зрения нашей морали. Он мне не нравится. Мне в нем все не нравится. Как он пахнет, как он выглядит, какой он скользкий, какой он непостоянный. Какой он лживый, и как он притворяется… Нет, скверный это лес, Тойво. Он еще заговорит. Я знаю, он еще заговорит.

- Пойдемте, я вас исследую, - сказал Тойво. - На прощание.

- Нет, - сказал Леонид Андреевич. - Пойдемте лучше ужинать. Попросим открыть нам бутылку вина…

- Не дадут, - сказал Тойво с сомнением.

- А попрошу Поля, - сказал Леонид Андреевич. - Кажется, я имею на него какое-то влияние.

Он нагнулся, собрал в горсть оставшиеся камешки и швырнул их вниз. Подальше. В туман. В лес, который еще заговорит.

Тойво, заложив руки за спину, уже неторопливо поднимался по лестнице.